

A detailed illustration of a family of five. The mother, with long dark hair, wears an orange dress and holds a flower. The father, with a beard, wears a blue suit. Three children, two girls and one boy, are dressed in formal wear with pearls and a bow tie. They are posed in front of a window with a city view. A circular '16+' age rating is in the top right.

16+

Тройняшки не по плану

ВЕРОНИКА ЛЕСНЕВСКАЯ

Вероника Лесневская
Тройняшки не по плану.
Идеальный генофонд
Серия «Роковые подмены», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67847889

SelfPub; 2023

Аннотация

– Мне нужен мой сын, – надменно произносит незнакомец. – Вы хотите нанять суррогатную мать? – пытаюсь быть вежливой, но он меня пугает. – Сделать ЭКО в нашей клинике? – Шесть лет назад я сдал биоматериал в банк ЭКО. Насколько я знаю, его использовали для оплодотворения. Теперь вы должны найти моего ребенка, – небрежно бросает пачку купюр на стол. – Нет, это конфиденциальная информация. Все проходит анонимно, – не притрагиваюсь к деньгам. – Да и невозможно найти малыша. Представьте, сколько женщин сделали у нас ЭКО в тот период! «И я в том числе», – добавляю мысленно, вспоминая своих тройняшек. – Всех клиенток проверим. Тест ДНК проведем, с матерью я сам вопрос решу, – невозмутимо бросает, а потом добавляет жестче: – Это мой единственный кровный наследник. Потому что теперь я... бесплоден.*Он на спор сдал свой биоматериал в банк ЭКО. Спустя годы явился в клинику

и приказал мне найти его ребенка. Но я скрыла, что сама воспитываю тройняшек, зачатых от анонимного донора

Содержание

Идеал первый. Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	44
Глава 5	53
Глава 6	65
Глава 7	76
Глава 8	89
Глава 9	94
Идеал второй. Глава 10	112
Глава 11	122
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Вероника Лесневская

Тройняшки не по плану.

Идеальный генофонд

Идеал первый. Глава 1

– Вы должны найти моего сына.

Пачка пятидесяти тысяч купюр взлетает перед моим носом, разгоняет воздух и с громким шлепком падает на стол.

– Что? – отрываюсь от бумаг, выпускаю ручку из пальцев и устремляю взгляд на наглого брюнета.

Он нервно расстегивает пуговицу пиджака, едва не оторвав, и садится на стул напротив. Вальяжно развалившись, будто у себя дома, по-мужски закидывает ногу на ногу, сцепив руки в замок на колене.

– Что слышали, – бросает надменно. Но голос, на удивление, приятный, бархатный. Если убрать эти властные, приказные нотки. – Это аванс, – кивает на деньги, к которым я даже не притронулась. – После того, как я получу ребенка, дам еще столько же.

Растерянно моргаю, проглатываю так и не сформулированный вопрос и отрицательно качаю головой. Не могу понять, чего хочет этот мужчина. Или он свихнулся? Я слыша-

ла, клиентам репродуктивного центра порой очень сложно принять свое бесплодие. А после ряда неудачных попыток ЭКО некоторые и вовсе срываются.

Медленно протягиваю руку, нащупываю телефон под бу-
магами, но вздрагиваю от грубого тона гостя:

– В двойном размере, – резко подавшись вперед, бьет ла-
донью по столу, а я едва не подпрыгиваю. – Тройном, – по-
вышает ставки. – Какие тарифы? Готов отдать любую сумму.

Чем сильнее он злится, тем ярче играют в его синих глазах
контрастно – карие всполохи, что янтарным кольцом окру-
жают расширенные зрачки. Интересный цвет, гипнотизиру-
ющий. Почему-то смутно знакомый, но от шока я теряюсь.
Заставляю себя прервать зрительный контакт с незнакомцем
и сосредоточиться на бреде, который он несет.

– Мы не продаем детей, – аккуратно проговариваю, ста-
раясь не вызвать большей агрессии. – Мы помогаем их за-
чать...

Почему-то моя фраза действует на мужчину, как детона-
тор.

– Береснева? – гаркает он, и я лихорадочно киваю. – Вас
должны были предупредить, что я приеду по важному делу, –
пожимаю плечами, взбесив его этим обычным жестом. – Вы
хоть понимаете, кто я?! – слетает с катушек.

Подскакивает с места, опрокидывая стул, упирается ку-
лаками в деревянную поверхность стола, который начинает
жалобно поскрипывать. Мужчина нависает надо мной, давит

мощной энергетикой и непоколебимым авторитетом.

— Кто? — поднимаюсь, чтобы оказаться с ним на одном уровне. — И по какому делу? Конкретнее, пожалуйста, — тоже руки на стол укладываю, но, скорее, чтобы найти точку опоры и не упасть. Ноги подкашиваются, когда опасный незнакомец приближается к моему лицу и испепеляет меня прищуренным взглядом.

— Адам Туманов. Новый генеральный директор и владелец сети клиник «Надежда», в которой вы работаете. Я мог бы перевернуть здесь все вверх дном, купить полностью персонал. И вас в придачу, — рычит самоуверенно. — Но я пришел договариваться, мне не нужна широкая огласка.

— Да что вам нужно, в конце концов? — не выдержав, фыркаю в его ожесточенное лицо.

— Мой сын! — выдает он на выдохе, обдавая легким ветерком мои губы. И я спешу отстраниться от мужчины.

— Вы хотите нанять суррогатную мать? — отойдя от стола, пячусь к окну. — Сделать ЭКО? — из последних сил сохраняю спокойный тон.

— Нет, готовый сын, — Адам отталкивается, выпрямляется по струнке, отчего кажется нереально высоким и огромным.

— Да где я вам его возьму! — хлопаю ресницами недоуменно. — Рожу, что ли?

— Заманчивое предложение, — ухмыльнувшись, сканирует мою миниатюрную фигурку, упакованную в бирюзовую медицинскую форму. Я теряюсь от такого откровенного взгля-

да, складываю руки на груди, но все равно не могу не скрыться. – Однако, нет. Шесть лет назад я сдал биоматериал в банк спермы. Насколько я знаю, его использовали для оплодотворения. Теперь мне нужен мой ребенок.

Приоткрываю рот ошеломленно. Мне срочно нужна порция кислорода, но я не могу сделать вдох.

– Вы с ума сошли? – сипло уточняю, но мужчина выглядит непоколебимым. – Если все так, то малышу уже пять лет. Он родился и растет в семье, любит своих родителей. Вы предлагаете забрать его и вернуть вам?

– С семьей я сам договарюсь, – отмахивается так, будто это легко. – Ваша задача – найти.

– Это конфиденциальная информация. Все проходит анонимно, клиенты клиники защищены от разглашения. Нарушить врачебную тайну – преступление. Никто не пойдет на это ради... – возвращаюсь к столу и смахиваю стопку денег на пол, отчего лицо незнакомца искажается в непонимающей гримасе. – Да и невозможно это. Представьте, сколько женщин сделали у нас ЭКО в тот период!

«И я в том числе», – добавляю мысленно, но вслух ни за что этому цинику не признаюсь. Стоит на секунду вспомнить озорных тройняшек, как улыбка непроизвольно касается лица. Мои пятилетние чертята, выстраданные, подаренные судьбой. Единственный шанс. Чудо, что они вообще появились у меня. И больше детей никогда не будет...

Как представляю, что однажды какой-нибудь наглый богач,

подобный этому хаму, заявит на них свои права, то руки непроизвольно сжимаются. Придушить его хочется. И я бы ни за что не стала помогать ему в поисках несчастной мамочки. Скорее, наоборот!

– Всех проверим, – невозмутимо бросает. – Тест ДНК проведем, решим вопрос. Не ваша забота. От вас нужна помощь в поиске моего сына.

– Почему вы так уверены, что у вас мальчик? – выгибаю скептически бровь. – А если дочка?

– Хм, – делает паузу, будто и мысли такой не допускал.

– Знаете, вам придется принять как факт, что ребенок останется со своими родителями, – говорю поучительно. – Смириться. Жить дальше, обзавестись собственной семьей, родить малыша...

– В том-то и дело, что это невозможно, – обрывает меня. – Я больше не могу иметь детей.

– Как? – ахаю я.

На доли секунды мне становится его жаль, ведь я сама столкнулась с этой проблемой. И если бы не современная медицина, то никогда бы не стала матерью...

– Лимит исчерпан. На данный момент я бесплоден. Анализы не лгут, – ледяными, хлесткими фразами объясняет Адам. Но стоит мне расслабиться, как он тут же возвращается в стальной панцирь. – Так что, или вы вернете моего единственного кровного наследника, или ваша клиника превратится... – задумчиво окидывает взглядом кабинет. – На-

пример, в отель. Ресторан быстрого питания. Или салон часов, – на последней фразе он горящим взглядом обводит помещение, будто действительно готов воплотить свою безумную идею. – Знаете ли, мне нормальный бизнес больше по душе, в медицине ничего не смыслю, – выплевывает равнодушно.

Да уж, «идеальный генофонд». Не хотела бы, чтобы мои чертята были похожи на него. Бог миловал.

– Вы циник и чудовище, – выдаю я и заставляю себя заткнуться. Ведь для него ничего не стоит – снести клинику, в которую моя мать вложила столько сил, и построить на ее месте что-нибудь прибыльное.

– Будем знакомы, – ухмыляется Туманов. – А теперь приступайте к поиску, у вас не так много времени. И у меня тоже.

Оставив за собой последнее слово, Адам небрежным движением достает из кармана визитку и бросает на стол, а после, не прощаясь, направляется к выходу. Хочу возмутиться, повторить, что не намерена выполнять его приказ, но не успеваю и рта раскрыть, как мужчина исчезает, громко хлопнув за собой дверь.

Словно под гипнозом, медленно опускаюсь в кресло. И невидящим взором впиваюсь в бланки протоколов ЭКО, которые помогала матери подготовить для клиентов. Присмотрела за кабинетом заслуженного врача-репродуктолога, называется.

Глава 2

Адам

Бью по хлипкой двери так, что петли скрипят. В последнее время нервы ни к черту. И все из-за диагноза. Идиотская ситуация, как я вообще мог вляпаться в нечто подобное? Какой-то сюр! Затянувшийся ночной кошмар, который не отпускает. Хочется надавать самому себе по щекам и проснуться в объятиях очередной девчонки, имени которой я не знаю, сунуть ей денег на такси с процентами и навсегда забыть и ее номер, и смазливое лицо. Жить в свое удовольствие. С полной уверенностью, что времени впереди – вагон.

Так хорошо ведь все было, а теперь... будто проклял кто! Никогда ни семьи, ни детей не хотел. А как лишился этой возможности, как будто перемкнуло. За последнюю нить хватаюсь, чтобы потом не пожалеть.

Мазнув взглядом по покосившейся табличке, убеждаюсь, что не перепутал кабинеты. Береснева Алевтина Павловна. Врач-репродуктолог. Через нее прошли многие ЭКО-шницы этой клиники. И у одной из них сейчас МОЙ сын.

Черта с два я уйду отсюда ни с чем. Отступлю, чтобы собраться с мыслями и вернуться. Дожду обязательно.

– Адам Альбертович, вам помочь? Подсказать что-то?

Пренебрежительно кошусь на подлелевавшую ко мне медсестричку, что заискивает и лебезит. Криво ухмыляюсь.

Помочь? Только если ты та самая, кому с моим материалом ЭКО сделали шесть лет назад.

Задерживаюсь на ней взглядом. Коротконогая какая-то, угловатая. И глуповатая, судя по блаженной улыбке. На одну ночь еще сойдет. Но точно не лучшая мать для моего сына. Всю генетику подпортит.

То ли дело Береснева. Действительно, красотка. Высокая, все при ней, даже мозги, раз уж выучилась на врача. Вредная только и упертая, но сын как раз должен быть с характером.

– Зараза, – выплевываю, вспомнив наш разговор. И отмахиваюсь от растерявшейся медсестры. – Нет уж, спасибо, – бросаю, передернув плечами, и шагаю на выход.

Достаю телефон, набираю номер брата.

– Так, Марк, послала меня ваша Береснева, даже слушать не стала, – выдыхаю в трубку, прикрываясь рукой, чтобы персонал и клиенты клиники не подслушали.

– Адам, ты ничего не перепутал? – вместо с детства надоевшего голоса брата раздается тоненький писк Златки, его жены. – Береснева – добрейшей души человек и обещала принять тебя. Она в этой клинике более шести лет работает. Сначала по совместительству, а недавно и вовсе отделение возглавила.

Мысленно высчитываю ее возраст. Мединститут, интернатура, стаж, чтобы высокую должность занять. И еще шесть лет... Много.

– Выглядит моложе, – хмыкаю я.

– Береснева – это твой единственный шанс что-то узнать. А ты небось нахамил ей, как обычно? – тянет с подозрением, но ее вопрос тонет в моем нервном кашле.

Нахамил? Разве что чуть-чуть. Нечего было деньгами кидаться и носом своим аккуратным крутить. Цену себе набиывает? Так я сразу сказал, что на любую сумму согласен. Не обижу.

– Нет, конечно. Я сама любезность. Это же в моих интересах, – лгу, стараясь быть убедительным.

– Ты сказал, что хочешь всего лишь познакомиться со своим ребенком? Помогать ему, встречаться иногда, наблюдать со стороны? – выясняет осторожно.

– Почти, – коротко отвечаю.

Так и хотел изначально. Но передумал, стоило лишь порог переступить. Ну, какой из меня воскресный папа? Не терплю полумер. Если мой ребенок, значит, мой! И жить со мной должен. Найму кучу нянек. А родителям его новое ЭКО оплачу, да хоть сто штук. Пусть ни в чем себе не отказывают.

Для меня это единственный вариант, в конце концов.

– Адам? – окликает меня настороженно невестка.

– Так, мелкая, тебе вообще кто телефон дал поиграть? Взрослые есть дома? – по привычке подкалываю ее. Злата намного младше брата. И злится, когда я напоминаю ей об этом. – Отдай трубку Марку.

– Вот ты... – фыркает она. – Поделом тебя Береснева вы-

гнала!

В динамике что-то шелестит и грохочет. Потом слышится возмущенный шепот, обиженный такой, что я невольно усмехаюсь. Малявка, разве я не прав? Никогда серьезно ее не воспринимал, но у Марка свои предпочтения. Он трясется над ней, как одержимый.

– Адам, ты опять жену мою доводишь? – рывкает брат.

– Большой вопрос, кто кого, – парирую я. – Марк, черт, есть способы, как на клинику надавить? Я и так ее уже купил.

– На хрена? – хрипит от удивления.

– Отец же хотел, чтобы я занялся нормальным бизнесом, а не своими «часиками», – выхожу на улицу и прищуриваюсь от ударившего в лицо солнечного луча. – Как говорится, одним выстрелом двух зайцев.

С трудом привыкнув к яркому свету, опускаю взгляд на циферблат высокоточных швейцарских «Патек Филипп». Какая ирония судьбы: против человека, помешанного на часах, играет само время. И назад не отмотать, и не ускорить до нужного события. Так и болтаюсь посередине, скованный обстоятельствами.

– Адам, ты на нервах кучу ошибок наделаешь, – отчитывает меня Марк, будто не на три года старше, а на все тридцать. – Скажи лучше, ты анализы сдавал повторно?

Снимаю пиджак, перекладывая телефон из руки в руку, расстегиваю пуговицы на футболке поло. Но все равно жар-

ко. Скорее бы в салон ляльки моей нырнуть – и кондиционер включить на максимум.

– Думаешь, это что-то вроде аттракциона невиданного удовольствия, чтобы по сто раз бегать? – тихо рычу. – Сдал, результаты получил. Врач вынес мне приговор, – распахи-
ваю дверь красного спорткара, бросаю пиджак на сиденье. – Девчонок таскать могу, ребенка зачать – нет. Естественное предохранение. На контрацептивах сэкономлю. Ты же зна-
ешь, в моем случае это даже плюс. Точно миллионером ста-
ну.

Собираюсь сесть за руль, но цепляюсь взглядом за царапи-
ны на крыле. Приближаюсь, провожу пальцем, не верю сво-
им глазам. Ну, капец!

– Идиот, – летит в меня от Марка, но я всецело сосредото-
чен на машине.

Идеальная красная поверхность испещрена кривыми за-
корючками, похожими на трех человечков. Рядом – фигура
побольше, но не дорисована. Видимо, художника спугнули.

Руки оторву! Себе! Какого черта опять на сигнализацию
забыл поставить? Мудреная система, постоянно глуплю с
ней. Удивляюсь, как еще ляльку не угнали. Зато «наскаль-
ную живопись» нацарапали ключом.

Солнечный зайчик скользит по гляncу вверх, скачет по
капоту и отсвечивает на листок, зажатый дворником.

«Извините, не досмотрели. Мы оплатим вам ремонт», –
читаю текст и номер телефона, а потом сминаю записку.

– Почку продать придется, чтобы хватило на ремонт, – кидая язвительно и с грустью гипнотизирую «картинку», но каракули не исчезают от силы моей мысли.

Бросаю бумажный комок через плечо на асфальт, а его тут же сносит под колесами проезжающего автомобиля. По тротуару лениво снуют прохожие, а «преступника» давно и след простыл.

Вздыхнув, поворачиваюсь и краем глаза замечаю, как мимо меня летит что-то мелкое. Гномик на самокате нацелен прямо на дорогу. Несется, ногой отталкиваясь, и совершенно по сторонам не смотрит.

Машинально хватаю его за шкурку, срываю с «транспорта», который мчится дальше один, и притягиваю к себе. Держу так крепко, что пальцы немеют.

– Бли-ин, – нараспев тянет детский голосок.

Вместе наблюдаем, как очередной автомобиль превращает ярко-салатовый самокат в пластиковые щепки. Руль со светоотражающими элементами отлетает в сторону. Не помогли наклейки...

Внутри меня что-то рвется, стоит лишь представить, что вместо самоката под колесами мог оказаться...

– Эй, пацан, ты камикадзе? – встряхиваю повисшего малого, разворачиваю его к себе, беру за плечи и приседаю рядом.

Ругаю его, а сам нервно проверяю, не пострадал ли. Осматриваю с ног до головы. Джинсы с потертыми коленя-

ми, кофта вокруг талии завязана, футболка белоснежная, но с несколькими свежими пятнами шоколада на груди.

– Я маме расскажу, что ты материшься, – шмыгает носом.

Лицо скрыто под козырьком кепки. Поэтому пацан и не видел ни черта вокруг. Зло срываю головной убор, из-за которого ребенок мог травмироваться.

– Это не мат, – из-под кепки показываются два хвостика. – Девчонка, что ли? – свожу брови, и она кивает. – А кто у нас... мама?

Мелкая пугается не на шутку, пытается вырваться, но я держу цепко, иначе опять выскочит на дорогу. Лучше лично в руки мамашке передам. Можно еще органы опеки вызвать, чтобы провели разъяснительную беседу. И научили за детьми следить.

Черт, в груди все сводит и легкие парализует. Стараюсь не смотреть на дорогу, где машины продолжают терзать останки самоката.

– Ваську обижают, – доносится из-за спорткара, и я взглядом ищу источник звука.

Перехватываю малую за руку, сжимаю крепко и поднимаюсь. Обойдя машину, замечаю, наконец, еще одну девочку. Стоит на тротуаре и пальцами край персикового платья ковыряет. Растерянно нас изучает. Воздушная и милая, как принцесса диснеевская. Всматриваюсь в ее личико, перевожу взгляд на пацанку рядом со мной. Моргаю, пытаюсь отогнать галлюцинацию. Но в глазах по-прежнему двоится.

– Близняшки? – изгибаю бровь.

Принцесска кивает и зачем-то делает неловкий книксен. Пацанка ладонь мне царапает, пытаюсь освободиться.

Я чокнусь с ними. Понимаю, что это еще цветочки, когда рядом со сказочной девочкой появляется ее брат. Все трое на вид одинакового возраста. Мальчишка отличается от сестер внешне. И, судя по всему, характером. Зыркает на меня черными бусинами, лихорадочно звякает карманными часами на цепочке. Необычная игрушка для мальчика его возраста, хотя у меня есть в коллекции подобные, только оригинал, а не китайская имитация. С таким же острием на застёжке.

– Стой, так это ты этим мне... – прищуриваюсь с подозрением, киваю назад, вспомнив накарябанную троицу на крыле.

Он изгибает шкодливо бровь – и в этот момент мимикой становится похож на Кевина из фильма «Один дома». Только брюнет черноглазый. Чертовски мне кого-то напоминает.

– О-о-о! – мальчишка вдруг глаза в страхе округляет и скидывает голову, указывая куда-то поверх моего плеча.

Оглядываюсь импульсивно и не замечаю, как ослабляю хватку на детской ручке. Этого оказывается достаточно, чтобы мелкая нарушительница ПДД сбежала от меня и «воссо-единилась» с семьей.

Все трое довольно хихикают, отбивают друг другу кулачки, а потом бегут к клинике. Через секунду они скрываются за дверьми.

Развели меня, как последнего дурака...

Не мой сегодня день. Скорее надо возвращаться домой, пока еще куда-нибудь не влип. Поэтому спешу к спорткару.

– Вы не видели здесь детей лет пяти? – толкает меня незнакомая девушка. Мне дадут уехать сегодня? – Две девочки и мальчик. Сбежали от меня, а я... – отойдя на расстояние, она сгибается пополам, тяжело дыша.

– Две девочки, – задумчиво указываю жестом на дверь клиники. – И мальчик, – опускаю палец на царапины, провожу бережно по крылу авто.

– Из-звини-ите, – часто моргает. – Это ваша машина? Я там номер телефона их мамы оставила. Она сказала, что все решит.

– Эх-х, – выдыхаю, поглаживая корпус спорткара. – Я ей прощаю, – цежу недовольно. – А все дети в здании, – рукой указываю. – Внимательнее смотреть за ними надо было, – добавляю строго.

– Ага, сейчас их соберу, – кивает девушка и мчится к ступенькам. – Меня уволят. На этот раз точно уволят, – причитает по пути.

– Да я убил бы, – бубню ей вслед, стоит лишь вспомнить пацанку, которую я буквально вырвал из-под колес.

Опять становится хреново, до помутнения. И сердце заходится. Прячусь в салоне, врубаю кондиционер, но дышать все равно нечем. Долго не могу успокоиться.

Спустя время я, наверное, раз в сотый смотрю на закры-

тые двери клиники, будто жду кого-то. Как в ступор погруженный. Встряхнув себя мысленно, завожу спорткар и с ревом трогаюсь с места. Столько проблем у самого, а я из-за чужих детей переживаю. Мне своего бы найти. Кровного, родного, единственного.

– Совсем сдурел, – резко повышаю скорость.

Глава 3

Несколько дней спустя

Адам

– У нас девочки на любой вкус. Брюнетки, блондинки, рыжие. Худые и полненькие. Последних больше, – бодро перечисляет Роман Царев, мой лучший друг и по совместительству родственник. – Оплата почасовая. Постоянным клиентам скидки. Самым выносливым можно взять абонемент.

– Дайте сразу три, – смеюсь я, пожимая другу руку. – Это лучшая реклама фитнес-клуба, которую я когда-либо слышал, – хлопаю его по плечу. – Как бизнес идет?

Он хохочет со мной в унисон, облокотившись о стойку ресепшена. Улыбчивая девчонка-администратор делает вид, что занята какими-то списками, а сама то и дело поглядывает на нас. Как бы невзначай время от времени поправляет короткий спортивный топ, выпячивая уверенную двочку. Ничего так, но маловато будет.

– Нормально, расширяемся, – скользнув по ней хозяйским взглядом, Роман переводит внимание на меня. – Надолго ты в России? Или опять набегам, а потом за границу рванешь?

– Пожалуй, придется задержаться, – бубню недовольно.

Яростно прокручиваю телефон в руке, бью пальцем по дисплею, краем глаза проверяя входящие. Пусто. Так и не позвонила, чертовка. Значит, придется явиться к ней с по-

вторным визитом. Только разговор на этот раз будет жестче. Да простит меня Злата, но ее «лучший врач и добрая женщина», Алевтина Павловна Береснева, меня дико бесит. Не хочет по-хорошему? У меня есть другие методы в арсенале.

– Дела какие-то? – допытывается друг, вспыхнув интересом.

– Да, есть один... незакрытый гештальт, – хмыкаю с легким налетом горечи.

Телефон вздрагивает в ладони, а на дисплее высвечивается неизвестный номер. Незамедлительно снимаю трубку, но голос подавать не спешу. Я уже несколько раз вляпался, ответив раньше времени, и учусь на своих ошибках. Отхожу в сторону от Романа и его игривой подчиненной, прислушиваюсь к томному дыханию в динамике.

– Привет, А-адам, – звучит со скрипом, будто пенопластом по стеклу елозят. И я морщусь инстинктивно.

Хрен знает, что за баба, но явно не та, кто мне нужна. Понимаю по первой же нотке, которая беспощадно режет слух. Собираюсь сбросить звонок, потому что голос Бересневой мелодичнее и приятнее, даже когда она злится. И именно ее сигнала я жду.

– Это Катюшка, – приторно представляется. – Помнишь, мы в прошлую пятницу вместе были в клубе? Я соскучилась, – не сдается до последнего, несмотря на мое молчание. – Мне кажется, я влюбилась.

Не исключено, что говорит правду... Не про любовь, ра-

зумеется, а про клуб. На имена всех случайных особей женского пола у меня оперативной памяти не хватает. А времени – тем более. Поэтому спешу избавиться от очередной. Откашливаюсь и стараюсь произнести следующую фразу строго и холодно:

– Наконец-то, хоть кто-то из близких объявился. Приезжайте в морг на опознание и заберите тело, – сильно стискиваю зубы, до скрежета, лишь бы подавить предательский смешок.

– А... – вскрик на ультразвуке добивает мои несчастные барабанные перепонки, зато, наконец, раздается щелчок разъединения.

Прошла у дамочки любовь. Кому нужно бездыханное тело, которое не может платить.

– Показывай свои владения, – возвращаюсь к другу.

Подмигиваю девчонке-администратору азарта ради. И она мгновенно реагирует, приосанивается, стреляет в меня глазами. Правда, Роман при этом подозрительно напрягается. Оттесняет меня от стойки, небрежно толкает вглубь коридора.

– Другую себе найди, тут полный клуб девок, – обиженно бурчит он, громкими шагами отбивая плитку.

– Да понял-понял, – примирительно поднимаю руки и послушно следую за ним.

Оборачиваюсь на ресепшн, сканирую напоследок администратора и качаю головой: надеюсь, у Романа нет серьезных

намерений на ее счет. Видно же, что пустышка. Кошусь на друга. Или нет?

– В том крыле бассейн... Здесь СПА, массаж и косметолог... Там детская комната, игровые, – угрюмо проводит экскурсию друг.

Чувствую, что все еще злится на меня, и закатываю глаза к потолку: вот из-за баб мы только не ссорились! С детства дружим.

– Тренажерка... Женский зал, – взмахивает рукой, а сам останавливается у своей двери. Нащупывает ключи в кармане, вставляет нужный в замочную скважину.

Я же бросаю скучающий взгляд на застекленное помещение напротив. Чуть затемненные окна в пол практически не скрывают того, что происходит внутри. Сложив руки в карманы, вальяжно подхожу ближе, а губы сами изгибаются в лукавой ухмылке. Взор скачет по клиенткам клуба, пыхтящим на тренажерах. Женские фигурки в процессе физической нагрузки – это отдельный вид искусства. На них можно смотреть вечно.

– Удачное у тебя расположение кабинета, – усмехаюсь я.

– Красивый вид повышает работоспособность, – хохмит Роман, заметно остывая.

Надеюсь, он успокоился и понял, что мне на хрен не нужна его «уверенная двоечка». Тем более, когда взгляд сам находит аппетитную тройку, подрагивающую в такт движениям ее обладательницы. Вот это мой размерчик. Фантазия до-

рисовывает капельку влаги, что ползет от тонкой шеи к ложбинке груди и впитывается в ткань лифа, оставляя след.

Шумно сглотнув, опускаю глаза на тонкую полоску кожи, что показывается между топом и поясом лосин с высокой посадкой. Ну, что такое? Кто животик в спортзале прячет? Тем более, такой подтянутый. Хвастаться надо перед другими, как Роман сказал, «полненькими». И заодно мне глаз радовать.

Что же, ладно, одежда лишь будоражит воображение. Как яркая обертка, которую хочется снять и добраться до конфеты. Оцениваю точеную талию, округлые, соблазнительные бедра, ровные ножки...

Так, что с лицом? Хотя при такой фигуре не столь важно. Но все-таки... Заставляю себя посмотреть «жертве» в глаза. И застываю, как вкопанный. Обреченно хмурюсь. Да не может быть!

На беговой дорожке, в наушниках, с убранными в высокий хвост, черными, как уголь в аду, волосами занимается... Береснева.

Удивленно округляю глаза. Во-первых, то, что я минуту назад обласкал взглядом и представил мысленно во всех позах, никак не ассоциируется в моем сознании с заразой в медицинском костюме, которая послала меня в клинику. Диссонанс поражает и обезоруживает. А во-вторых... сына моего лучше бы искала, бездельница!

– Залип? – будто из густого тумана, летит вопрос друга. –

Агата – наша постоянная клиентка. Но тебе с ней ничего не светит, – неожиданно выносит вердикт. За администратора своего мне мстит? – Хотя... можем поспорить? – охотно протягивает мне руку, но я отбиваю сразу же.

– После того, что было шесть лет назад, я с тобой больше не спорю, – рывкаю на него. А сам испепеляю взглядом Бересневу. Пользуясь тем, что она поворачивается ко мне попой, довольно упругой, кстати, и выбирает другой тренажер, я наблюдаю за каждым её движением, «облизываю» подтянутые формы, скольжу по плавным изгибам. И вдруг происходит щелчок! Растекшиеся мозги возвращаются в череп, а я зыркаю на друга: « – Повтори, как ее зовут?»

– Агата, – невозмутимо кивает он и распахивает дверь, приглашая меня в кабинет. – Фамилию не помню, спроси у... – косится в сторону ресепшна и умолкает, снова становится мрачным.

– Ром, прекращай, твое не трону, – раздражаюсь я, а сам не свожу глаз с чертовки. Она проводит пальцем по «умным часам» на запястье, засекает время и приступает к следующему упражнению. Зануда. Но красивая. – Что еще ты о ней знаешь? Кто она?

Явно не Алевтина Павловна, за которую выдавала себя в клинике. Я так стремился скрыть свою проблему, не действовал открыто, чтобы минимум людей были в курсе – и только самые надежные, а в итоге... вывалил все непонятно кому.

– Мамочка молодая, – Роман озвучивает главный аргумент. – Так что не трать время, не твоя история.

Он прав: женщины с детьми для меня – персональное табу. Они не для свободных отношений, а серьезные мне не нужны. Не хочу морочить таким голову и время отнимать. Но почему-то из груди вырывается идиотский вопрос:

– Муж есть?

Друг подхватывает с полки шкафа бутылку, разваливается в широком кожаном кресле, разливает жидкий янтарь по стаканам. Один протягивает мне, но я отрицательно качаю головой. Никакого алкоголя, когда я за рулем.

– Не видел. С детьми все время приезжает, – пожав плечами, сам себе салютует и выпивает залпом содержимое.

Я же удивленно вскидываю брови. Дети? Во множественном числе? Когда успела? Агата выглядит совсем молоденькой. Особенно сейчас. Без медицинского костюма и с дерзким высоким хвостом, что лупит по ее плечам и лопаткам при каждом движении.

– А лет ей сколько? – продолжаю бесполезный разговор. Зачем мне лишняя информация?

– Двадцать шесть, кажется, не так давно от клуба ее с днем рождения поздравляли, – выдает Рома. – У нас традиция, особенно, если VIP-клиент.

– Откуда тогда у нее деньги на это все, если с детьми и без мужа? – щелкаю пальцами и делаю рукой круг в воздухе. Знаю, что спортивная сеть, которой владеет Роман, не из

дешевых.

– Семья хорошая, может, – заливает в себя и мою порцию алкоголя. – Или богатый любовник, – передергиваю плечами на его фразе. Оторвавшись от манящего женского тела, недовольно смотрю на Рому. – Что? Не зря она выглядит такой гордой и независимой, мужиков из тренажерки одним махом отшивает. Точно покровитель есть.

– Тебя, что ли, отшила? Поэтому так говоришь? – издеваюсь над другом. Он недалеко от меня ушел – тот еще бабник.

Обычно я на его стороне, но сейчас... Довольно поглядываю на Агату: молодец девчонка. То есть, женщина... Мама...

Табу!

– Неважно, – прячет Рома взгляд. – У меня Ася есть теперь, – намекает на администратора и жутко не нравится мне при этом. На дурака похож. Обведет его та стерва с двойкой вокруг пальца. Я встречал подобных. Нюх на предательниц.

– У тебя полный клуб девок, – возвращаю ему его же фразу. – Зачем останавливаться на одной? – вот только он становится еще напряженнее. Хреново дело.

Но на перевоспитание друга времени не остается, потому что Агата, взглянув на часы, резко заканчивает тренировку и направляется к раздевалке и душевым. Она будто всю жизнь по минутам расписала. Но мне придется нарушить ее четко выверенный график.

– Так, я на секунду, – нагло кидаю друга, с которым так

долго не виделся, а сам толкаю стеклянную дверь и влетаю в женский зал.

Дамы мгновенно преображаются, заметив меня. Выравнивают осанку, стараются двигаться грациознее, попками крутят. И те, кто корячился из последних сил, теперь будто второе дыхание обретают.

Киваю всем в знак извинения за вторжение и спешу промчаться мимо. Многовато женских чар на квадратный метр. Даже для меня.

Пересекаю раздевалку, приближаюсь к душевой, кладу ладонь на ручку, почти надавливаю на эмоциях... И останавливаю себя.

Это уже слишком!

Поэтому опираюсь о косяк и терпеливо жду, когда в проеме появится распаренная, влажная, пахнущая цветочным гелем Агата. Проходит мимо, не замечая меня, и окутывает сладким ароматом.

– Привет, – заставляю ее подскочить на месте. – Кто ты и зачем выдавала себя за Бересневу? – уточняю, пытаюсь сохранять спокойствие. Но получается фигово.

Агата оглядывается, и, вместо испуга, вижу в ее темном взоре возмущение. Прищуривается, окидывает меня с ног до головы и молча разворачивается, чтобы уйти. Опешив на секунду, я все же догоняю беглянку, беру ее за локоть и притягиваю к себе. Перекладываю руку на талию, чуть приобнимаю, впитывая жар тела сквозь ткань, невольно обвожу

взглядом чертовку.

Благо, Агата успела переодеться в кабинке. Сейчас на ней джинсы и блузка, что скрывают подтянутое тело. И заодно охлаждают мой пыл. Вышла бы она завернутая в полотенце – точно зажал бы прямо в раздевалке, забыв о личных принципах и внутренних запретах.

– Отвечай, – слышу себя будто со стороны. Приказ звучит сурово, но хрипло. Да что за черт!

– Прежде всего, уберите от меня руки и прекратите мне тыкать, – ее строгий голос отрезвляет, и я мгновенно слушаюсь. Сам себе удивляюсь, когда вдруг отпускаю ее, увеличивая расстояние между нами. – Что значит, «выдавала»? Я и есть Береснева, – фыркает, поправляя влажные волосы, смоляными прядями разбросанные по плечам.

– Но Алевтина Павловна? – откашлявшись, уточняю.

– Мама моя, – ставит все на свои места. – А вы? Дайте-ка подумать, – постукивает пальчиком по подбородку, делая вид, что судорожно пытается меня вспомнить. Играет ведь! Не могла забыть. – Вы тот сноб, который хочет купить ребенка, – парализует дерзкой фразой и в грудь мне тычет демонстративно.

– Вернуть своего, – рычу, поправляя формулировку. – Надеюсь, мать вам объяснила, что к чему, и вы приступили к поискам, – усмехаюсь я.

– Да, мы с мамой обсудили вашу ситуацию, – произносит медленно, а сама опускает пышные ресницы и отводит

взгляд. — Мы вам помогать не будем, забудьте о своей затее, — нахально спорит. — Она в корне неправильная и противозаконная.

— Ой ли? — тяну с сарказмом. — Вопрос денег. Сколько?

— Что-то не все ваши проблемы деньги смогли решить, — красивое лицо ожесточается, а черные глаза-агаты смело стреляют вниз. В сторону моих брюк.

— Язва, — цежу, с трудом сдерживаясь.

— Эгоист, — хмыкает она и ехидно приподнимает уголки губ. Эта дерзкая улыбка странно на меня влияет.

Делаю широкий шаг, приближаясь к ней вплотную. Заставляю упереться спиной в холодную стену, протягиваю руку к растерянному, но чертовски привлекательному лицу. Не с целью напугать. Просто хочу прикоснуться. Не понимаю, зачем. Но...

— Адам Альбертович, — официально зовет меня Роман, приводя в чувства.

Отчаянно желаю выругаться, послать друга к черту и закрыться здесь с Агатой. Чтобы поговорить о моем наследнике, конечно же. Но вынужден подчиниться.

Передергиваю плечами от прожигающего спину взгляда — Роман не в духе. Еще раз исподлобья смотрю на чертовку, но она лишь стискивает губы в тонкую линию и вздергивает подбородок. Зыркает на меня воинственно, готова мысленно разорвать на лоскутки, будто я лично на нее покушаюсь, а не свое забрать хочу.

Прищуриваюсь, тяжело вздыхая. Значит, не собирается слушаться?

Нехотя прекращаю зрительную борьбу с непокорной девчонкой и отступаю. Временно. Чтобы «перегруппировать войска» и зайти с другого фланга. Так легко эти Бересневы от меня не отделаются.

– Ты чего в раздевалки врываешься? – шипит друг, выволакивая меня из помещения. Улыбается Агате добродушно, кивает, извиняясь, но та так и остается неприступной. Ни единой черточкой на лице не ведет, как будто в мраморную статую обратилась. – Всех клиенток мне распугаешь.

– Да ладно, – тяну с вызовом, отвлекаясь на Романа. – Если хорошо попросишь, посещаемость тебе повышу. Бизнес мгновенно в гору пойдет.

Сканирую толпу в поисках цели. Вальяжно приближаюсь к одной из клиенток, что не может разобраться с велотренажером. Протягиваю руку, стараясь ее не касаться, небрежным движением нажимаю парку кнопок и механизм запускается. Ничего сверхъестественного, зато произвожу на даму нужный эффект. Она краснеет, выглядит довольной, плечики расправляет, заигрывает. Я прохожусь по ней взглядом, останавливаясь на боках, увеличиваю скорость и дистанцию на панели. Ей не помешает.

Не задерживаюсь рядом с клиенткой. Если бы Агата крутила педали, я бы еще подумал...

– Ты неисправим, – цокает языком друг и громко хохочет.

Меня же вновь тянет в сторону раздевалки. Чертовка все еще там. Стоит напротив приоткрытой двери, однако мы с Ромой ей неинтересны – делает вид, что занята своими делами. Лишь раз стреляет в меня полыхающими агатами, встречается со мной взглядом – и тут же отворачивается, будто я ей противен. Странная она. Может, правда есть богатый любовник?

– Где отметим твой приезд? – хлопает по спине Рома, приводя меня в чувства.

Доверяю выбор клуба его вкусу, потому что мне самому плевать, где пить. Перебросившись еще парой фраз, отпускаю друга к ненаглядной Асе, будь она не ладна. Задумчиво поглядывая на часы, направляюсь в сторону туалета.

Признаться, я лишь тяну время, подсознательно надеясь напоследок пересечься с Агатой. Может, удастся вывести ее на нормальный деловой разговор. Хотя, если честно, слабо верится – рядом с ней отключается разум, выпуская наружу злость, волнение и целый спектр эмоций, которые ранее были мне чужды.

Всему виной проклятый диагноз. И понимание того, что теперь о нем знает эта девчонка. Не та Береснева. Вот дьявол!

Ускоряю шаг, раздражаясь с новой силой, и едва успеваю замедлиться, когда из-за поворота в меня влетает что-то мелкое. Скользит по глянцевому, натертому до блеска полу и не может остановиться, выставляет локти перед собой.

Ловлю гномика за секунду до столкновения, помогаю устоять на ногах.

Боковым зрением замечаю указатель: «Детская игровая комната» – и вздыхаю шумно, обреченно. В этом крыле фитнес-клуба мне явно делать нечего. Наоборот, надо держаться подальше от чужих отпрысков. Хватит мне одного своего. Сына. Которого я найду.

Опустив голову, дожидаясь, пока мелочь в спортивном костюмчике поднимет на меня взгляд. Хмуро свожу брови, потому что постепенно узнаю ее. Маленькие хвостики, кукольное, смешное личико, округленные от удивления глаза. Свет падает так, что они кажутся двухцветными, сине-кари-ми. Не придаю значения этой детали, потому что пацанка тоже узнает меня. Охает и морщится виновато.

Неугомонный ребенок, опять ПДД нарушает, пусть и внутри помещения.

На ум сразу же приходит ее необычное имя:

– Васька? – и зачем я сохранил его на подкорке. – А где мама? – вновь обезоруживаю и пугаю ее своим вопросом. Как и тогда, на дороге. Девочка не хочет, чтобы я родительнице пожаловался?

Отлично! Я как раз в том настроении, чтобы высказать матери этой пацанки все, что я думаю о ее методах воспитания! Точнее, о полном отсутствии такового.

– Веди, познакомимся с ней, – говорю сурово.

– Неа, – машет хвостиками пацанка. – Ошибся, дядя, –

выкручивается и пятится назад.

Хитро зыркает на меня, делает выпад вперед, дезориентируя противника в моем лице, а потом срывается с места и мчится в противоположную сторону. Совершив крюк, чтобы запутать следы, возвращается в игровую зону. Планирует вызвать «напарников» и опять меня облапошить? Я этим дьяволятам еще спорткар не простил! «Наскальный рисунок» так и красуется на алом крыле, а в автосервис заехать времени нет.

– Не в этот раз, – рычу я и зачем-то направляюсь следом за мелкой.

Надо бы развернуться и уйти из фитнес-клуба. Рвануть домой, отдохнуть перед ночной тусовкой, но я все глубже лезу в кроличью нору, как чертова Алиса, только в стране детей.

– А вот и шляпник с часами, – вздыхаю обреченно, когда дорогу мне преграждает знакомый мальчишка. – Тебя как зовут? – протягиваю ему ладонь для рукопожатия.

Но он хмурится, прищуривает свои черные глаза-бусины и теребит умные часы на руке. Той же фирмы, что я видел у Агаты, но детские. Минимум лишних функций, зато с возможностью определения местоположения ребенка. Умно. За это непутевой мамке плюсики в карму. Однако вряд ли ее он спасет, потому что с каждой секундой я раздражаюсь сильнее.

Моя рука так и висит в воздухе, вопрос остается без

ответа, а сам малец смотрит куда-то за мою спину.

– Даже не думай, во второй раз я не поведусь, – угрожаю ему пальцем. – Имя скажи?

Пацан молчит. Более того, губы сжимает. И буравит меня темным взглядом так, будто готов испепелить.

– Макс, – раздается позади тоненький голосок, и я, вздрогнув, оборачиваюсь. – Он не говорит с теми, кто ему не нравится.

Опускаю голову, взглядом нахожу розовое пятнышко на скамейке. Даже в шортах и футболке выглядит нежно, воздушно. Как принцесса. Наклонившись, ковыряется в шнурках своих белоснежных кроссовок, узлы какие-то морские наворачивает.

– Не нравлюсь, значит, – кошусь на Макса, а он нагло кивает. – Сам машину мне поцарапал, а я плохой? Ладно, – бросаю равнодушно, но становится как-то не по себе. Что я ему сделать-то успел?

Хмуро свожу брови и переключаю внимание на девчонку.

– А тебя как зовут, принцесса? – вырывается у меня, и малявка тут же смущается. Смотрит на меня исподлобья, а потом выпрямляет спинку.

– Ксюша, – улыбается мило и ножку протягивает. Показывает на растрепанные шнурки.

Подумав, взмахивает ресничками. Такая мелочь, а уже манипулирует мной, как все женщины. И главное, что я поддаюсь.

Словно под гипнозом, мгновенно опускаюсь перед ней на колени, как никогда и не перед кем. Подцепливаю шнурки пальцами, немного путаюсь в них, потому что слишком короткие и тонкие. Да и кроссовки как игрушечные. Я будто в куклы сейчас играю. На хрена это мне? И, тем не менее, завязываю бантик.

– Спаси-ибо, – лепечет Ксюша и наклоняет голову набок. Улыбается мне, а у самой глазки сияют. Оттенками синего с краплениями карего. Как у сестры-пацанки. Но поведение кардинально другое, поэтому близняшек сложно перепутать.

– Ай, умница, – искренне хвалю и на ноги поднимаюсь, отряхивая брюки. – Так держать, принцесса. Женщина, умеющая найти подход к мужчине, в жизни всего добьется, – подмигиваю ей.

– Так мыслят только те, кто рассматривает женщину, как бесплатное приложение к мужчине, а не самостоятельную, независимую личность, – летит в меня откуда-то сбоку. Строго, важно, поучительно.

– Зануда, – реагирую машинально на голос. А потом осознаю, кому он принадлежит.

Поворачиваю голову и жадно впиваюсь взором в знакомую точеную фигурку. Скольжу от талии вверх, останавливаюсь на расстегнутых пуговках блузки, мысленно ныряю в декольте – и тут же вытаскиваю себя оттуда. Да почему я реагирую на нее так? Потому что табу?

Заставляю себя установить зрительный контакт с чертов-

кой, который должен погасить бурю внутри. В женщинах меня возбуждают далеко не глаза. Есть места гораздо интереснее.

– Агата, какая встреча, – ухмыляюсь я. – Вы меня преследуете.

Секунда – и я понимаю, как ошибался. После моих слов в черных глазах загорается пламя ярости. И оно меня... заводит.

Самостоятельная и независимая, говорите? Видали мы таких. Ломали и щелкали, как орешки.

– Видимо, вы из тех, кто верит, что мир крутится вокруг вас, – защищается она. – Что же вы забыли в детской зоне? Не своего же ребенка, – опять режет по – живому.

Стерва во плоти.

– А вы? Помимо того, что чужих детей поучаете, – непроизвольно подначиваю ее. – А принцесска, между прочим, на верном пути, – метнув добрый взгляд в Ксюшу, довольную моим вниманием, возвращаюсь к Агате.

– Принцесска? – будто эхом отдается.

Агата задумчиво сканирует нас, смотрит на молчаливого Макса, растерянно ищет еще кого-то, а потом задерживается на сияющей малышке, которая топает ко мне. Порывисто касаюсь озорных хвостиков, наматываю прядь на палец, но следом отпускаю.

Как по щелчку, Агата вдруг становится мрачнее грозового неба. На дне черных зрачков танцуют огненные демоны,

шикарная грудь судорожно вздымается, натягивая ткань, волосы, теперь уже собранные в аккуратный хвост, взлетают в такт движению головы, губы приоткрываются в возмущении.

Чем дольше ласкаю взглядом эту неприступную скалу, тем сильнее хочется наплевать на принципы и добавить ее в свою «коллекцию».

– Этим и занимаюсь. Каждый божий день. И не вам мне указывать, как и что делать, – фыркает Агата, но я теряю нить разговора. Слишком увлечен ее манящей злостью. – Чертята, а Василиска где? – вдруг обращается к мелким.

– Привет, мам, – бросив меня, принцесска подлетает к ней и обнимает.

– Там, – пальцем указывает Макс, а сам тоже к Агате прижимается.

Из-за угла показывается пацанка. Протыкнув мимо меня, налетает на Агату, едва с ног ее не сбивая. Но та сохраняет равновесие. Будто у нее богатый опыт общения с детьми.

– Как позанимались, милые мои? – щебечет совершенно иным тоном. От ненависти и злобы не остается и следа.

Шокировано наблюдаю за Агатой, окруженной малышкой, вникаю в ее слова, вспоминаю, что говорил Роман, и едва сдерживаюсь, чтобы не выматериться вслух.

Твою ж мать!

Трое детей? У этой секси-кошечки? Да ну, на хрен!

С тоской облизываю Агату угасающим взглядом. Напоследок. Потому что тройное табу – это слишком. Шлагбаум,

который даст по шее, если я рискну пересечь границу.

– Ты сегодня за главного, – Агата хлопает Макса по плечу и смело вкладывает карточку клуба в его руку. – Подождите меня на ресепшене. Возьмите себе фрэш, как обычно. Я быстро соберу ваши вещи, и мы поедem...

– В парк можно? – вопит Васька. – Кататься на самокате. И вся сжимается под моим неодобрительным взглядом. Эту аварийную девчонку нужно лишить и прав, и транспорта.

– Лучше в кино, – дует губки Ксюша. – На мультик.

Макс размыкает губы, чтобы внести свое предложение, но стреляет в меня угольно-черными бусинами и решает промолчать. Только сейчас понимаю, кого мальчишка мне напоминает. Мини – Агата. Такой же и внешне, и по характеру. Значит, никогда я ему не понравлюсь. Но это и не должно меня волновать.

– По дороге обговорим, – непривычно ласково произносит Агата, завораживая бархатным голосом.

Приседает, позволяя детям по очереди чмокнуть себя в щеку, и я успеваю заметить очаровательную улыбку на ее лице. Но эмоция тут же стирается, когда Агата вспоминает о моем присутствии.

– Ну, пока, нарушители общественного порядка, – машу им рукой.

Близняшки отвечают тем же, но «часовщик» важно смотрит на смарт-браслет, игнорируя меня, и топает в коридор.

– Агата, и все же я хотел бы с тобой... – осекаюсь и откашливаюсь, – ...с вами поговорить.

Так, надо собраться с мыслями и убедить чертовку помочь мне. В конце концов, не зря она в который раз встретилась на моем пути. Шестое чувство кричит, что это мой шанс. Единственный. Последний. И упустить его нельзя.

Но Агата иного мнения. Включает режим своего сына. Не проронив ни слова, подхватывает рюкзаки детей и огибает меня, шагая на выход.

Опешив, в последний момент ловлю ее за запястье. Она вздрагивает, покрывается мурашками и гипнотизирует место нашего соприкосновения. Воспламеняет одним лишь взглядом и я вынужден отдернуть руку, как от кипятка.

– Я сказала свое последнее слово. Там, в раздевалке, – цедит она.

Не понимаю ее агрессии. Не заслужил я ее. Может, напрямую к Бересневой-старшей все-таки обратиться? Хотя после рекомендаций дочери она меня и слушать не станет. Придется младшую чертовку окучивать. Но... в обход.

– Возле клиники ваши дети покарябали мою машину, – цепляюсь за единственную нить между нами. – Нанесли ущерб имуществу, – специально нагнетаю.

– Какая жалость, – неискренне тянет она. – Няня должна была оставить мои координаты. Я все оплачу, – догадывается сразу, о каком эпизоде я говорю.

– У вашей няни Васька чуть под колеса не попала, кста-

ти, – выпаливаю, хотя сказать хотел совершенно другое. – Хреново за детьми присматриваете. Поучаете только.

– Что? – в глазах мелькает неподдельный страх, на лице – паника. На миг Агата становится такой беззащитной и испуганной, что хочется обнять и утешить. – Уволю к черту, – сжимает ладони в кулачки.

– Да уж, не мешало бы, – прячу руки в карманы, чтобы как-то сдержать себя. – Так что по поводу ремонта моей машины?

– Пришлите мне счет, – натягивает дерзкую маску. Расстегивает свой рюкзак, выуживает из бокового отделения визитку. – Вот мой номер и электронная почта.

Не глядя, прячу карточку в карман. Планирую продолжить разговор, но Агата нагло сбегает.

Направляюсь за ней к стойке администратора, слежу, как она с детьми выходит на улицу, а сам приближаюсь к окнам.

– Адам Альбертович, может, кофе? – заигрывает Ася, а я сторонюсь ее, словно прокаженную. Где чертов Рома? Пусть ошейник на свою бабу наденет. С шипами. И намордник.

Отмахиваюсь, как от назойливой мухи, и в непонятном ступоре наблюдаю за Агатой. Она устраивает тройняшек на заднем сиденье своего автомобиля, пристегивает в автокреслах. Проверив ремни, сама занимает водительское место.

Действительно, сильная и независимая. А еще одинокая. Нет никакого богатого покровителя. Значит, никто не будет отвлекать ее от поисков моего сына.

И от меня не защитит.

– Адам? – зовет друг. Как почувствовал, что на меня его Ася покушалась.

– Ты мне абонемент предлагал? – ухмыляюсь, с трудом отрываясь от Агаты. Нашупываю ее визитку в кармане. Нужно отрезать чертовке любые пути отступления. – Оформляй. Мне пригодится. Кажется, я вляпался в долгую историю.

Глава 4

Агата

Выключаю душ, но вода продолжает стекать по моим длинным густым волосам и тяжелыми каплями барабанить по дну кабинки. Смаргиваю влагу с ресниц, нехотя открываю глаза и провожу ладонью по запотевшему зеркалу. Стираю испарину, чтобы взглянуть на свое отражение.

Рваный вдох – и закашливаюсь от попавшей в легкие воды.

В ванной и в моей комнате специально установлены зеркала в пол. Чтобы видеть каждый изъян и работать над собой. Распотрошенная, истерзанная внутри, я бережно храню внешнюю оболочку. Ради себя.

Кончиками пальцев касаюсь плоского животика. Провожу по светлым следам, оставшимся после растяжек. Сейчас они практически незаметны. Ухмыляюсь, вспоминая период беременности. Необъятный живот, с которым я едва дышала на последних сроках, отекие ноги, слабое облегчение после появления чертят на свет, которое сменилось болью и страхом за крошечных, слабых малышей.

Бессонные ночи и дикие переживания быстро забрали лишние килограммы. Высушили меня, превратив в приведение. А, спустя время, адские физические нагрузки дома и в зале помогли вернуть форму. И даже усовершенствовать.

Указательным пальцем веду по татуировке, что протянулась от косточки до косточки и спрятала шрам после кесарева. Глупая материнская улыбка слетает с лица, как только я нащупываю уплотнение. Там, где шов наложился на старый рубец. Слишком болезненные ассоциации, даже спустя восемь лет после предательства. Видимые раны затянулись, но душевные – кровоточат.

Срываю халат с вешалки и яростно укутываюсь в него.

– Ты рано встала. Какие-то дела сегодня? – окликает меня мама на лестнице.

Оглядываюсь и окидываю её теплым взглядом. Стоит, оперевшись плечом о косяк двери, с чашкой с кофе в руке. А сама полностью собрана, облачена в летнее платье, которое на работе сменит на медицинский костюм. Волосы цвета горького шоколада собраны в аккуратную прическу, что спрячется под врачебным колпаком. Но это будет позже. А сейчас передо мной уютная, добрая, любимая мамочка. Человек, благодаря которому я не сошла с ума восемь лет назад.

– Да. Разбудила? – чмокаю ее в щеку, наклоняюсь и делаю глоток кофе. – Я няню уволила, – хмыкаю невозмутимо.

– Опять? – дергается мама и расплескивает содержимое кружки. – Агентство не напасется кадров на наших чертят, – качает головой. – Что на этот раз?

– Васька с ней чуть под машину не попала, – выпаливаю я и тут же жалею об этом, потому что родительница становит-

ся белее стены. – Но все в порядке, не волнуйся. Я решила попробовать их в частный детский сад определить. Там настоящие педагоги работают все-таки, а не какие-то непутевые девчонки после курсов.

– Возможно, ты права, – задумчиво тянет мама, и румянец возвращается к ее лицу. – В клинике ждать тебя сегодня?

– После обеда, – виновато морщусь я. – Я должна была заранее предупредить, но... – закусываю губу, как проштрафившийся ребенок. Для мамы я им и являюсь, несмотря на возраст. – Мне в мединститут надо заехать. Дневник практики подписать и с научным руководителем встретиться. Я и так предыдущую консультацию пропустила.

– Я без тебя сегодня в клинике справлюсь, возьми выходной, – предлагает заботливо.

– Нет-нет, я все успею, – обнимаю ее, и мы окончательно разливаем остатки кофе.

– Агата, мне все больше кажется, что ты берешь на себя слишком большую нагрузку. И учеба, и работа, и спорт, и с детьми все свободное время проводишь, – загибает пальцы, а я перехватываю ее руку.

– Активность – это жизнь, мам, – подмигиваю ей, но она хмурится.

– Или побег от реальности, – бубнит себе под нос.

Делаю вид, что не расслышала. Прошное для меня умерло и похоронено под гранитной плитой. Теперь я – многодетная мамочка, медсестра с дипломом колледжа и, надеюсь, буду-

щий врач-гинеколог. По стопам родительницы.

Транслирую свои приоритеты в голове, будто сама себя убеждаю в их правильности, и взметаюсь по лестнице на второй этаж. В коридоре сталкиваюсь с папой. Он помятый, недовольный, на ходу накидывает пиджак.

– Пап, а ты чего ни свет ни заря встал? – искренне удивляюсь я. – Большим боссом стал, но трудоголика из тебя не вытравить? – подначиваю шутливо, а сама поправляю ему воротник рубашки. – Или проблемы какие-то в сети автосервисов? – напрягаюсь, а руки замирают на его плечах.

Папа не так давно в бизнесе, и я помню, скольких сил и нервов ему стоило открыть и развить свое дело. Он сделал все возможное, чтобы обеспечить нам с чертятами достойную жизнь.

– Надеюсь, что нет, – задумчиво хмыкает, пугая меня сильнее. – Да, Тимур вчера позвонил, – партнера своего упоминает. – Просил пижона одного заезжего принять лично. И мастера ему рекомендовать. Вроде дел там на раз плюнуть, но уважить надо, – разводит руками. – Но я не ожидал, что он жаворонком окажется и время такое назначит. Вот, мчусь, – дергает запонку на рукаве и она отлетает. – Да елки!

– Не нервничай так, – поднимаю и помогаю застегнуть ее на манжете. – У тебя лучший автосервис. «Пижон» твой останется доволен и в постоянные клиенты запишется. Ради такого дела станет не заезжим, а местным, – хихикаю я, наблюдая, как папа смягчается.

– Я бы дождался вас с малявками и подвез, куда надо, но... – виновато сдвигает брови.

– Да я за рулем, – отмахиваюсь. – Беги уже, – подталкиваю к лестнице.

Машинально смотрю на часы, контролируя свое время. Запас есть. Отлично!

Прежде всего, захожу в комнату к близняшкам. Они у меня сони, поэтому бужу их с помощью долгих уговоров. Пока девочки потягиваются в кроватях, борются с простынями и подушками, я раздвигаю тяжелые шторы и, чтобы не терять драгоценные минуты, немного прибираюсь. Прячу разбросанные вещи в шкаф, беру рюкзак с пола.

– Васька, ну, сколько раз повторять, что нужно класть вещи на свои места, – качаю головой, но вдруг замечаю выпавшую из кармашка пластиковую карточку.

Подхватываю ее двумя пальцами, подношу к глазам, которые тут же округляются от шока, когда я вчитываюсь в текст.

Водительские права.

Адам Туманов.

И фотография этого наглеца! Он и так всю ночь из мыслей моих не выходил. Пробрался в мои сны и требовал вернуть ребенка. Еще и обнимал при этом... Как там, в раздевалке...

– Наглый тип, – шиплю я в лицо на карточке.

– Я водитель! Отдай, – капризничает Васька и подбегает ко мне. Пытается вырвать права, но я поднимаю руку вверх.

– Ты где это взяла?

– Дядя потерял, – признается незамедлительно. – Теперь это мое!

Пока мы с Васькой препираемся, Ксюша садится в кровати, сонно потирает глазки и первым делом поправляет растрепанные волосы. Маленькая кокетка.

Как этот сноб назвал ее? Принцесса?

«И правда, похожа», – улыбаюсь нежно, но мигом сбрасываю с себя наваждение. Нервно сжимаю пальцами водительские права. Необъяснимая злость овладевает моей душой, стоит лишь вспомнить, как цинично вел себя Туманов в клинике и как самоуверенно разговаривал со мной в фитнес – клубе. Невольно переношу свое раздражение на дочку.

– Василиса, ты наказана, чтобы впредь не брала чужое! – выношу приговор, а она ротик распахивает, хочет поспорить. Самая вредная из всех чертят.

– Ты же говорила, если человек растяпа, то сам виноват, – припоминает мне мои же слова. Кто же знал, что они обернутся против меня.

– Каждое лишнее слово с твоей стороны добавляет дополнительный час без мультиков, – поднимаю бровь и смотрю выжидающе.

Губки смыкает и головой кивает. Хотя по сине-карим глазам вижу, что Васька со мной не согласна.

– Умывайтесь и завтракать, – чмокаю обеих близняшек в щечки и смягчаюсь, когда малышки обнимают меня. Мои манипуляторы. – Нас сегодня ждет новое приключение, –

намекая на детсад. – Надеюсь, обойдемся без неожиданностей, – шиплю чуть слышно.

Не выпуская проклятой карточки из рук, привычно мчусь в соседнюю комнату. Постучавшись, тут же открываю дверь.

Макс заправляет постель. Заметив меня, сонно бубнит: «Доброе утро», – и подавляет зевок. Делает вид, что бодр и готов к великим свершениям. Мой маленький мужчина. На пять минут старше сестер, а такой серьезный и деловой, будто у них разница несколько лет.

– Давно проснулся? – ласково обращаюсь.

– По будильнику, – важно отвечает и указывает на часы, что стоят на тумбочке. Вспоминаю, как помогала заводить их вчера. Макс опускает взор на наручные. Сверяет время.

Иногда меня настораживает его странное увлечение, но отказать сыну не могу. Выкупила для него почти весь китайский «али», ведь на оригиналы из реклам денег чересчур много надо. Зато на все праздники легко выбрать подарок. Макс признает только часы, разных форм и видов.

Не понимаю, в кого он такой. Я стала пунктуальной лишь после рождения детей, потому что абсолютно ничего не успевала, пока не начала планировать каждый наш день. Именно наш, а не мой. Ведь чертята – неотъемлемая часть меня. И... анонимного донора, о котором я толком ничего не знаю. Да и неважно, кто он.

– Сестры проспят опять, – пробивается в мои размышления голос Макса.

– Я разбудила уже, – смеюсь звонко. Приблизившись, щелкаю сына по носику. – Зануда.

И не сразу понимаю, почему это слово вдруг заставляет меня вздрогнуть. Нахмурившись, впиваюсь взглядом в пластиковую карточку, о которой забыла на мгновение. Надо вернуть права Туманову. Заодно о ремонте машины поговорить, отдать деньги. Не хочу оказаться в должниках у такого сноба, как он. И, тем более, не желаю попасть в зависимость. Поскорее разорвать все связи – вот моя цель.

Нахожу в своей сумке визитку Адама, которую он бросил тогда, в кабинете, вместе с купюрами. Я сразу спрятала все, чтобы мама не заметила. И ни слова ей не сказала о странной просьбе Туманова. До последнего надеялась, что это глупая шутка. Или ошибка.

Но он, кажется, одержим идеей найти наследника.

Нет. Нет. И еще раз нет! Скорее расправиться с ним и забыть!

Именно поэтому вбиваю номер с визитки и, забыв, который час, делаю вызов.

– Алло, вы... – звучит в трубке сонный, хрипловатый женский голос, и я машинально сбрасываю.

Перепроверяю номер, убеждаюсь, что не ошиблась в цифрах, и шумно вздыхаю, медленно осознавая, что произошло. Я ведь видела, как фривольно в зале Адам вел себя с клиентами, а потом до ушей донеслись обрывки его разговора с хозяином клуба, тем еще бабником. Роман упорно предлагал

мне «свободные отношения», пока я не пригрозила жалобу подать на него и его клуб. Он некоторое время посматривал на меня, но появилась Ася и полностью завоевала его внимание. А я выдохнула, потому что не хотелось из-за мужика бросать место, которое идеально мне подходит: и расположение удобное, и детей можно в игровой комнате оставить, пока у меня тренировка идет.

– Значит, хорошо отметили «возвращение на родину» в ночном клубе, – сверлю взглядом карточку Туманова, прокручивая в мыслях их беседу с другом. – Ни капли не удивлена.

И этот мужчина планирует отобрать ребенка у матери, прошедшей через ЭКО? Зачем? Разве есть в его свободной, разгульной жизни место сыну? Не лучше ли "идеальному генфонду" и дальше воспитываться в любви и заботе. Иначе и быть не может, ведь на ЭКО идут сознательно, а не от прихоти...

Разозлившись, небрежно бросаю чужие права в сумку. Да и черт с ним. Перезвоню, когда проспится. Верно сказала Васька, растяпа сам виноват.

Глава 5

Адам. Ранее

Вливаю в себя один шот, с грохотом ставлю стопку на барную стойку и накрываю ладонью, жестом показывая, что мне хватит. Яркая девчонка с искусственной улыбкой кивает в ответ и переключается на Романа. На ее лице и в каждом движении читается: «Когда же закончится гребаная смена?». Но внешне она милая и обходительная. Профессиональный бармен. Пусть дорабатывает спокойно. Я бы даже домой ее на такси подкинул, но сам уеду раньше.

У меня на продолжение этого вечера другие планы. Окидываю густую толпу оценивающим взглядом. Скольжу по извивающимся под бахающие звуки музыки телам, выбираю цель. Если вообще здесь можно найти что-то стоящее – зря я доверился вкусу Романа. Не мой уровень заведения. Но у спортсменов вроде него свои причуды.

– А ты чего пропускаешь? – пытается толкнуть меня друг в бок, а сам чуть со стула не падает. Вовремя хватаю его за локоть. – За рулем?

– Нет, – усаживаю его обратно, заставляю облокотиться о стойку. – Был бы за рулем, вообще ни капли в рот бы не взял. Буду еще спорткаром рисковать, – бросаю гордо и добавляю тише: – И своим здоровьем, которое и так подкачалось.

– Тогда пей, – заказывает еще, и девушка в мгновение ока

ставит перед нами два шота.

— Мне к утру протрезветь надо. В автосервис рано ехать, — отодвигаю стопку от себя. — Я забыл, что договорился на завтра. Хорошо, напоминание вовремя заметил в телефоне.

— Да ну тебя, — отмахивается, заливает в себя мою порцию, а после масляным взглядом ласкает барменшу. — Красавица, а как вас зовут?

— На бейдже написано, что она Юля, — слегка отодвигаю его. — И отстань от девчонки, пьянь, — усмехаюсь я, а потом киваю барменше и кладу на стойку щедрые чаевые.

Она выдыхает с заметным облегчением и, метнув взгляд на деньги, удивленно на меня смотрит. Много? Недостаточно для того, чтобы девчонка уволилась из этой обители зла и порока. Но вдруг поможет чем. А дальше сама.

Улыбаюсь по-доброму, взмахиваю рукой, жестом отпуская Юлию. И она, спрятав купюры, переключает внимание на другую компанию.

— На Асю похожа, — мечтательно вздыхает Роман.

— У-у-у, значит, ты совсем в хлам, — подкалываю его, а сам хмурюсь. Нездоровый интерес у него к той пустышке, если даже в таком состоянии о ней думает. — Давай домой? И в следующий раз место выбираю я, — все-таки не выдерживаю. — Такси вызывай, — хлопаю его по плечу, и Роман опять едва не слетает на пол. Ловлю его в последний момент.

— Пожалуй, ты прав. Только отлить схожу, — встает и на удивление быстро выпрямляется. — И позвоню Асеньке, —

выуживает телефон, мутным взглядом впирается в дисплей.

– Может, не надо? – тяну скептически.

Но Роман или не слышит, или игнорирует. Не выпуская телефона из руки, идет сквозь толпу, покачиваясь. Его заносит на повороте, и я дергаюсь, чтобы подбежать и помочь, но он сам справляется, опираясь о стену.

Секунда – и пустое место рядом со мной занимает эффектная блондинка. Сканирую ее, мгновенно оценивая, чего она стоит. Удобно, даже на охоту выходить не пришлось. Но скучно.

– Угостите леди? – щебечет и тонкими пальцами по моему предплечью вверх «идет».

Едва не прыскаю от смеха: бледи, блин. Дешевка в дорогой обертке. Охотница за денежными мешками. Но я принимаю серьезный вид. Мне еще Романа домой бандеролью отправлять, на поиски другой кандидатуры времени нет.

– Юлия, – вежливо обращаюсь к барменше, – вы не могли бы обслужить...

Язык не поворачивается прилично назвать блондинку. И комплименты нет желания делать. Без градуса слишком привередливым становлюсь. Или приелись все эти бабы-"одноночки". Или... всему виной мозг, который только о наследнике думает. Навязчивая идея не позволяет расслабиться.

– Мария, – протягивает ручку, которую я пожимаю. Не целовать же, в самом деле.

Машка, значит.

– Приятно познакомиться, – лгу я. Завтра даже имени ее не вспомню.

Но блондинка настроена решительно. Подается ближе, обдает приторным запахом духов, тянется к моим губам. Но я грубо её останавливаю.

Такие бабы существуют для того, чтобы ублажать мужика, а не целоваться. Терпеть этого не могу. И секс с подобными самками исключительно защищенный. Иначе искал бы сейчас по всему миру залетевшую от меня «случайную». Хотя...

Тогда и шансов сына обрести появилось бы больше.

Да черт!

Опять в сознании срабатывает механизм. Шестеренки крутятся, заставляя меня думать не о том. Вспоминаю Агату, клинику. Потом ныряю в недавнее прошлое. Перед глазами всплывает мой «приговор».

– Я свободна на всю ночь, – шепчет блондинка мне на ухо, слегка отвлекая от пагубных мыслей.

Криво ухмыляюсь.

Наивная. Никто не оставался у меня до утра. Этого еще не хватало. Пара часиков – и на такси.

Словно почувствовав мое неоднозначное настроение, Машка ведет «умелыми ручками» по торсу вниз, касается ремня брюк. Нашептывает что-то нежное, ластится. Ну, ничего так, потенциал имеется.

– Не подскажите, где Роман? – сбоку звучит женский голос, смутно знакомый.

Отодвигаю от себя блондинку, вкладываю в ее руку бокал, что принесла барменша, но Машка не понимает намеков. Повисает на мне опять, как пиявка, еще и коктейль на джинсы выплескивает. Вместо возбуждения вызывает раздражение. И я толкаю ее жестче. Нервно и брезгливо оттряхиваюсь. Поворачиваю голову на звук.

– Ася? – удивленно осматриваю администратора фитнес-клуба. – Ничего себе, как ты быстро примчалась, – кошусь в ту сторону, где скрылся непутевый друг.

Признаться, я вообще не ожидал, что Ася приедет. Хотя если это ее долгосрочный, продуманный план по окучиванию Ромы, то выполняет она его на «отлично».

Не найдя его взглядом, я возвращаю внимание на Асю. Невольно оцениваю, по привычке. Она хоть и пустышка, но не «бледи» какая-то. Относится к другой категории женщин. По моей личной «классификации баб» явно выше Машки. Но за нее друг меня кастрирует.

– Быстро? Я минут двадцать добиралась, – лепечет Ася и на Машку поглядывает. – Меня Роман Львович весь вечер сообщениями закидывал. Странными. Но на том СМС, где он грозился меня уволить за «разби-итое сердце и оторванную руку», – заикается, вспоминая текст и цитируя, – я решила приехать. Мне работа нужна, – пожимает плечами.

Пока я перевариваю услышанное, блондинка хватается меня под локоть. Испепеляет Асю взглядом, будто о праве собственности на меня заявить пытается. Вот идиотка. Застав-

ляет пожалеть, что вообще подпустил ее близко.

Безмозглая. И хоть уровень IQ – это последнее, что я ценю в бабах. Но... Не до такой же степени! Должно же быть в ее черепушке хоть что-то, кроме ниточки, на которой уши держатся!

– Так, что ты там говорила? – сбрасываю с себя руки Машки. – Свободна ты? – кивает охотно. Дура! – Ну, и пошла вон, – рявкаю на нее так, что она испуганно отскакивает. Наконец-то оставляет меня в покое.

– Где Роман? – подает голос Ася. Повторяет свой вопрос. Я же не знаю, что ответить. Вот хрен его знает. Уснул в туалете?

– Подожди здесь, – беру ее за плечи и разворачиваю к барной стойке. – Боюсь, без тебя Рома из клуба не согласится уехать. Сидеть! – приказываю, как собачке, когда Ася пытается сопротивляться. – Вызови пока такси.

Делаю пару шагов в направлении туалета, но неуверенный голос окликает меня:

– Я телефон дома забыла.

Проглатываю грубое ругательство. В этот момент замечаю вывалившегося из-за поворота Рому. Он с трудом бредет по залу, толкает всех, кто попадает на его пути. Привлекает к себе внимание секьюрити. А потом вдруг цепляется к какому-то бодибилдеру, доказывает ему что-то, явно злит мужика. Мышцами меряются?

– Ты еще в драку вяжись, придурок, – беспокоюсь я. Но

друг меня не слышит. Продолжает нарываться на качка.

Быстро вкладываю в руки Аси свой телефон, коротко приказываю: «Звони!» – и мчусь к Роману. Буквально за секунду до... Забираю его от разгневанного мужика и увожу прочь.

– Ася приехала.

Короткая фраза действует на друга волшебным образом. Ноги сами несут его вперед. Правда, держат слабовато. Возле бара Рому перехватывает Ася, направляет его на выход из клуба. Болтает с ним о чем-то на парковке, пока я наблюдаю со стороны.

Когда такси, наконец, прибывает, она заталкивает пьяное тело в салон. И следом садится сама, уезжает вместе с Ромой.

– Ничем хорошим это не закончится, – обреченно отматываюсь я. Мысленно ставлю крест на друге. Нельзя поддаваться бабе.

Но Рома – взрослый мужчина, пусть сам разбирается. С другой стороны, может, хотя бы он ночь проведет «с пользой для здоровья».

Засунув руки в карманы брюк, оглядываюсь на клуб. Зазывающая вывеска манит неоновыми огнями. В принципе, еще детское время и можно продолжить «охоту». Однако... вспоминаю Машку, и желание отпадает. Нет, здесь мне ловить нечего.

В голове не вовремя возникает образ Агаты. Контрастирует по сравнению с блондинкой. И причина не в цвете волос. Другая она. Выбивается из "классификации".

С чертовкой я бы уехал без сомнений.

Но там тройное табу....

Вытаскиваю из кармана смятые купюры – портмоне я, кажется, в салоне спорткара оставил. Некогда было искать – Роман нудел, что в клуб пора.

Сажусь в следующую подъехавшую машину, которую вызвал кто-то другой. Но я бросаю деньги таксисту. Больше, чем нужно. Называю адрес и устало откидываюсь на спинку кресла.

– Тоже мне, поразвлекался, – бурчу неудовлетворенно.

***

Просыпаюсь и морщусь от того, что раздражающие солнечные лучи нещадно поджаривают мое лицо. Открываю один глаз – и тут же оказываюсь ослеплен ярким светом. Недовольно зажмурившись, отворачиваюсь от окна, накрываю голову подушкой. Но духота не дает уснуть. Что с климат – контролем? Хотя ночью и ранним утром обычно не жарко. Глобальное потепление подкралось незаметно?

Сажусь в кровати, оперевшись о резную спинку, небрежно протираю лицо руками. И вновь смотрю в окно. Солнце слишком высоко для шести утра, когда должен был сработать будильник.

Который час?

Протягиваю руку к тумбочке, пытаюсь нащупать телефон. Но там пусто. Немного затуманенные от недосыпа мозги

соображают слабо. Восстанавливаю события ночи, отмечаю ненужные детали типа Машки и выплевываю грубое ругательство. Ася так и уехала с моим телефоном после того, как вызвала такси.

На смену одному разочарованию приходит другое: время! – Мать вашу, опоздал в автосервис, – взглянув на часы, вскакиваю с постели.

Какой-то невезучий спорткар! В третий раз на ремонт записываюсь и постоянно что-то мешает. Будто «лялька» не хочет расставаться с нацарапанным «автографом».

Собираться приходится быстро, так что просто натягиваю вчерашние джинсы и черную футболку. Схватив пиджак и ключи от машины, выхожу из квартиры.

Спустя полчаса успеваю простоять в нескольких пробках, подрезать пару автомобилей и едва не попасть в аварию. От раздражения и спешки совершаю очередную ошибку.

Мчусь к перекрестку на мигающий зеленый. Вылетаю, когда загорается красный, но меня это не останавливает. Умело разминаюсь с другими автомобилями, водители которых далеко не в восторге от моего маневра. От сигналов закладывает уши, но я направляю спорткар вперед.

И все бы ничего, но сразу после перекрестка меня тормозит ДПС. Откуда они вообще здесь? Впрочем, откупимся. Мне не привыкать.

– Инспектор Авдеев, – представляется, когда опускается стекло. – Вы нарушили, проехали на красный. Предъявите

ваши документы.

Усмехаюсь мысленно: капитан Очевидность. Но вслух хамить не спешу. Уверен, мы сможем договориться. В России это всегда было проще.

– Да, конечно, – выдаю доброжелательно.

Проверяю карманы в поисках портмоне, тянусь к бардачку, надеясь, что именно там оставил свои вещи до поездки в клуб. Но ничего не нахожу. Карты, деньги, права – все в нем. А наличку я в клубе вчера оставил.

– Хм...

Да какого хрена? Никогда ничего не терял! Неужели в фитнес – клубе обронил, пока с тремя чертятами возился? Надо проверить, но позже...

– Значит, прав нет, – догадывается инспектор. – Тогда вам необходимо проехать с нами, – указывает на патрульную машину. Да сейчас, разбежался! – Автомобиль отправим на штрафстоянку, – добивает меня.

Вот спорткар мой вообще пусть не трогают. Не расплатятся потом! Однако пока что именно я в невыгодном положении. Черт!

– Мне нужно позвонить, – по привычке бью себя по карману. И следующим этапом накатывает острое желание стукнуть себя по башке. Ася, блин! – Не могли бы вы? – поворачиваюсь к Авдееву.

Окинув оценивающим взглядом меня и тачку, он решает пойти навстречу. Подозреваю, что служитель закона не про-

тив «мирных переговоров». Прекрасно.

Убеждаюсь в этом, когда он достает свой телефон:

– Диктуйте номер, – вгоняет меня в ступор.

Осознаю, что ни одного не помню наизусть. А зачем, если все хранит список контактов? Который теперь у Ромкиной бабы вместе с моим гаджетом. А сам друг в отключке после вчерашнего.

– Минутку, – размышляю экстренно.

Вспомнив разговор с Агатой в фитнес – клубе, я ныряю рукой в карман, достаю смятую визитку. Хоть что-то. Разгладив картон, вчитываюсь в имя, впервые обращаю внимание на должность. Медсестра. Даже не врач. Вот и с кем меня угораздило связаться? Еще и карты все выложить... Медицинские. Черт!

Хочется выбросить визитку через окно машины, а Агату – из своей головы. Но сейчас она единственная, с кем у меня осталась связь. «Ляльке» никак нельзя на штрафстоянку.

– Вот ей позвоните, – вздыхаю я, и надежда медленно погибает.

Попытка не пытка. Но чертовка вряд ли приедет.

Авдеев набирает номер с визитки и сразу отдает ее мне, а сам включает громкую связь. Я обреченно опускаю голову, упираюсь лбом в руль.

Посидел же вчера в клубе прилично, ничего лишнего себе не позволил. И что в итоге?

Лучше бы бухал и развлекался всю ночь, а сейчас отсы-

пался.

Глава 6

Агата

Выезжаю на ровную трассу и, крепко держа руль одной рукой, второй касаюсь лба. Устало смахиваю испарину, провожу ладонью по горячей щеке. Сделав глубокий вход и впустив в легкие обжигающий, липкий воздух, я машинально тянусь к приборной панели.

– Ма-ам, жарко, – хныкают сзади тройняшки.

– Я вся мокрая, блин, – ругается Вася, от моей подруги подцепив слово-паразит. Наедине я осекаю ее, но при других, особенно если рядом как раз «источник», не хочу ставить дочь в неловкое положение. Пропускаю мимо ушей.

– Потерпите, мои солнышки, – вдавливаю кнопку кондиционера, кручу колесико регулировки температуры, но ничего не происходит. Сломался? – Охлаждение еще вчера барахлило, – вслух восстанавливаю предпосылки. – Я решила, что просто мощности не хватает из-за пиковой температуры.

– Отцу бы сразу показала, блин, – справедливо отмечает Лора, та самая подруга. Ерзает на пассажирском сиденье, документами обмахивается. – В его автосервисе быстро проблему бы устранили, сама нахваливала работников.

– Не сегодня, – хмыкаю я, двумя руками обхватываю руль и аккуратно вписываюсь в поворот. – У папы клиент очень важный. Не хочу дергать его и отвлекать по пустякам.

– А симпатичный? – тон резко меняется.

– Кто? – бросаю безучастно, не глядя на Лору.

– VIP-клиент твоего отца, – документы едва не роняет.

– Понятия не имею, – на секунду отвлекаюсь от дороги, строго зыркаю на подругу.

Опять она за свое? И сама в активном поиске, и меня вечно сватает к каждому столбу.

Мы почти шесть лет с ней знакомы, я и в клинику к маме ее устроила лаборантом. Работаем вместе, а иногда я домой Лору подвожу. Особенно, если ей срочно надо к сыну, вот как сегодня. Я не поленилась после детского сада за ней захватить.

– Зря. Давно бы себе там мужа из статусных клиентов подобрала. И папу детям, – указательным пальцем вверх поучительно тычет.

– Какого папу? – тихо уточняет Ксюша.

Через зеркало дальнего вида наблюдаю, как Макс тем временем пытается податься вперед, чтобы лучше слышать мой ответ, но он слишком плотно пристегнут. Подумав, касается пятиточечного замка.

– Не трогай ремни, – рявкаю на него. – Я ведь учила вас не подслушивать и не перебивать взрослых, – отвлекаю детей от болезненной темы. Когда-нибудь мне придется объяснить им все. Ответить на неудобные вопросы. Но как я признаюсь, что у них отец «из пробирки»?

– Агата, ты в душе как бабка старая, – подначивает ме-

ня Лора. – Жизнь продолжается, нужно подыскивать варианты, – произносит так легко, будто о марке машины говорит.

– Ни один мужик не примет чужих детей. Ты ведь сама через это проходила, – включив музыку, недобрым шепотом произношу я, но следом мысленно даю себе оплеуху. – Прости, – добавляю виновато.

Лора отворачивается. Неосознанно и по глупости я напомнила ей о прошлом. Обидела своей прямолинейностью.

Поэтому остаток пути мы едем молча. Паркуемся возле металлического забора, между прутьями которого просматривается небольшой дом, окруженный огородом и садом.

– Ма-ам, – радостно вскрикивает мальчик пяти лет, стоит лишь подруге выйти из машины.

Встав на носочки, сам открывает калитку – и со всех ног мчится ей навстречу. Обнимает Лору за колени, едва не сбивая.

– Привет, Алешка, – подмигиваю ему, опустив стекло. Здравуются с маленьким товарищем и мои тройняшки.

Тепло смотрю на сына подруги, но не могу избавиться от пробирающей в душу тоски.

Лора была замужем. Когда выяснилось, что ее супруг бесплоден, они решились на ЭКО. Именно в клинике мы с ней и познакомились. У лучшего врача-репродуктолога наблюдались, которому мама моя ассистировала, заодно опыта набираясь. Вместе на мониторинг УЗИ ходили, болтали в коридоре, ожидая своей очереди, поддерживали друг друга. Нам

даже подсадку в один день делали. И обеим – успешно.

Вот только муж потом Лору бросил, заявив, что устал и не может терпеть чужого младенца.

Что касается меня... то ситуация другая. Я и замужем не была – дело до ЗАГСа так и не дошло. Но это только к лучшему.

– Спасибо, что подвезла, – машет Лора мне рукой, забыв обиду, и Алешка дублирует ее жест. – А ты после обеда в клинику вернешься?

– Уже нет, – стреляю суровым взглядом в чертят, и они напряженно сжимаются. – Надеялась, что хотя бы полдня поработаю, но кое-кто спутал все мои планы, – не свожу глаз с детей. – Пришлось баловников моих из детсада раньше забрать, как раз перед тем, как за тобой рванула. Хорошо, хоть в институте успела все дела завершить, – вздыхаю шумно.

– Тогда до завтра, – улыбается подруга. – В клинике встретимся!

Как только Лора с сыном скрывается в доме, я поднимаю стекла в машине, обеспечивая полную звукоизоляцию, и поворачиваюсь к резко затаившимся чертятам:

– Так, а теперь в двух словах скажите, почему вас из детского сада выгнали в первый же день? И воспитательница заявила, что больше вас не примет? – хмуро свожу брови.

Обязательно нужно выяснить причину, чтобы избежать подобного в следующем саду. Отступать я не намерена – тройняшки должны социализироваться. Няньки их оконча-

тельно испортили.

– Да ничего такого мы не сделали, – закатывает глаза Васька.

– Ты телефон Ирины-Ванны в унитазе утопила, – сдает сестру Ксюша.

– Она много звонила, а с нами не играла, – фырчит в свою защиту.

– И крысу заводную ей подкинула, – продолжает моя слишком честная принцесса. – Крику было-о-о, – тянет нараспев.

– Откуда крыса? – ахаю я, а потом сама вспоминаю. Папа купил в магазине приколов. Не пущу их больше туда!

– Эй, – одергивает сестру Макс, чтобы лишнего не выболтала, а после и сам опускает голову: – А я в столовой сделал вид, что подавился и задыхаюсь. А потом на целых двадцать секунд дыхание задержал. Отсчитывал сам, как самые точные часы, – хвастается, но спотыкается о мой предупреждающий взгляд. – Мам, ну, там реально невкусно кормят, – оправдывается он, пока я становлюсь багровой от злости.

– Ксю, а ты? – щурюсь с подозрением, покосившись на моего самого безобидного на первый взгляд ребенка.

Дочь невинно хлопает ресницами, но быстро понимает, что меня этим не проймет.

– А я их прикрывала, – губы надувает. – Зубы заговаривала Ирине-Ванне, еще и других детей позвала. Мы даже песни пели, – хихикает, но мигом принимает образ святой на-

ивности.

Я отворачиваюсь, делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю, пытаюсь подавить эмоции.

– Вы все наказаны, – на удивление ровным тоном произношу и завожу двигатель. – Не дети, а банда уличных иллюзионистов, – бурчу чуть слышно. Так и норовят взрослых облапошить. Главное, у них это получается!

Почти трогаюсь с места, но тут же ставлю на ручник. беру вибрирующий телефон. Недоуменно изучаю неизвестный номер.

– Инспектор Авдеев, – летит из динамика, как только я прикладываю трубку к уху. Поморщившись, мысленно перебираю все известные мне фамилии. Этой в памяти нет.

– Простите, кто? – уточняю аккуратно, а сама готовлюсь сбросить звонок. С чертятами разобраться надо! Скорее домой отвезти и там уже продолжить воспитательный процесс.

– Дорожно-патрульная служба, – чеканит он вдруг, и я напрягаюсь. – Вы знаете Адама Туманова?

Затихаю и чувствую, как внутри все леденеет. Разрозненные частички информации соединяются в единый пазл.

Если Адам действительно отмечал приезд с другом в клубе всю ночь, как планировал, и после бурной ночи, не до конца протрезвев, сел за руль, а сейчас со мной разговаривает гаишник, то это значит, что...

– Он в аварию попал? – сипло лепечу. В ушах шумит, а сердце заходится в паническом приступе.

Как еще объяснить, что звонит мне именно инспектор, а не сам Туманов?

С другой стороны... А почему вообще набрали именно мой контакт? Я ему никто.

Собираюсь задать этот вопрос, как чертята устраивают хаос.

– Авария? – мгновенно цепляется за знакомое слово Васька – любительница всего, что связано с транспортом: от мультиков про тачки до взрослых информационных программ вроде «Главной дороги». И об авариях она слышала, как бы я не пыталась оградить ее от этого.

– А? – на всякий случай мрачнеет Макс.

– Мам, мам, мам, – пугливо зовет Ксюша, не позволяя мне и слова вставить.

Салон мгновенно заполняется детскими голосами и криками. Ничего необычного – я готова к подобному в любое время суток, но в данный момент... Я совершенно не понимаю, что случилось с перегулявшим вчера Адамом. И почему-то боюсь.

– Агата Сергеевна? – зовет Авдеев меня по отчеству.

– Тише, все в порядке, – шиплю на детей, но они продолжают галдеть.

Психанув, вылетаю из машины, захлопываю дверь, таким образом отсекая крики и шум. Сквозь боковое стекло слежу, как чертята постепенно успокаиваются. В отличие от меня...

– Слушаю, – голос заметно надрывается.

– Нет, вы неправильно поняли, – наконец, продолжает инспектор. – Туманов ПДД нарушил, – страх сменяется осуждением. Адам гоняет на красный, потому что уверен в своей безнаказанности и силе денег. О последнем сам мне об этом говорил в фитнес – клубе. – Но документов у него при себе нет.

Вздвогнув, ныряю обратно в салон. Игнорируя разговоры детей, потрошу свою сумку, нахожу наспех брошенные на дно права. Не могу сдержать обреченного всхлипа.

– Дайте телефон, я объясню, что от нее нужно, – властно и холодно приказывает Адам инспектору.

От повелительных ноток и самой фразы я мгновенно вспыхиваю.

– Нет, ему трубку не передавайте, – отмахиваюсь, не желая выслушивать хама. Даже сейчас говорит таким тоном, будто ему все должны. Впрочем... его права ведь у меня. Благодаря Ваське. – Куда подъехать? – сдаюсь я.

Инспектор диктует адрес, называет нужный перекресток. И, пока я задумчиво прикидываю, как быстрее туда добраться, он вдруг «отчитывается» перед Тумановым бодро:

– Ваша жена скоро приедет.

– Кто? – одновременно выплевываем мы с Адамом. Но связь обрывается.

Нервно откидываю телефон на пассажирское сиденье рядом. Выкручиваю руль до упора. Разворачиваюсь и направляю автомобиль в противоположную от нашего дома сторо-

ну.

– Мамуль, а куда мы? – подмечает смену маршрута внимательная Ксюша, автокресло которой установлено посередине, так что она может следить за дорогой через лобовое стекло.

Услышав вопрос, Вася и Макс начинают крутить головами, осматриваясь.

– Сделаем круг, – объясняю удивленным детям. – Покажемся немного, аппетит нагуляем.

«Или испортим», – бубню себе под нос. По крайней мере, меня точно будет подташнивать от очередной встречи со снобом. И лишь один нюанс не позволяет мне с чистой совестью послать его к черту.

Права, которые я должна вернуть...

Доехать, отдать и попрощаться навсегда – что может быть проще?

Но мой четко выверенный план разбился о суровую действительность. Стоило нам выехать на главную трассу и втиснуться в автомобильный ряд, как мы тут же застряли в пробке.

– Ма-ам, все еще жарко, – хнычет Ксю, как только мы полностью останавливаемся. Недовольные голоса детей тонут в сигналах машин и гуле двигателей.

– Знаю, мои зайки, знаю, – провожу пальцами по ключице вниз к декольте, поправляю лиф летнего платья, но тонкая ткань кажется сейчас недышащим панцирем, внутри ко-

торого парится все тело.

Опускаю стекло, и в салон проникает раскаленный воздух. Становится только хуже. Тяжело вздохнув, выглядывая на дорогу, оценивая ситуацию. Нескончаемая вереница машин зажала наш неповоротливый хендай с двух сторон, так что вырваться или объехать пробку нет ни единой возможности.

Закрыв окно, принимаюсь мучить кондиционер. Что-то в нем щелкает, выпускает немного холода и вновь глохнет.

– Ма-ам, ты нас сварить решила? – язвит Васька и дергает себя за футболку, обмахиваясь.

– Мы получим тепловой удар, – важно умничает Макс.

Понимаю, что они правы. И злюсь на Адама, из-за которого мы оказались в западне. Иначе бы плюнула на все – и помчалась домой, чтобы детей оставить в прохладе.

– Потерпите, – уговариваю их и включаю мультик на маленьком экране, встроенном в панель. Машина полностью адаптирована под запросы тройняшек. Продумана каждая деталь. От просторного салона до белого цвета, антиаварийного. Мои дети здесь хозяева и собственники, а не я.

Подумав, оставляю попытки реанимировать кондиционер и опять опускаю стекла, только сразу все, чтобы спастись сквозняком. Передаю детям бутылки с водой. А сама отстегиваю ремень безопасности, который врезался в грудную клетку.

Мы движемся, как черепахи, – и к нужному перекрестку

приезжаем слишком поздно. Кажется, наша задержка оказывается роковой...

Прикусив губу изнутри до боли, я с прищуром наблюдаю, как эвакуатор забирает красный спорткар, а рядом каменным истуканом стоит Адам. Руки в карманах джинс, каждая мышца напряжена, будто вот-вот помятую футболку разорвет, брови хмуро сведены, черно-синий взгляд испепеляет инспектора, а лицо пылает яростью.

Глава 7

– Кто-то не вытерпел долгого ожидания и был слишком резок с сотрудником ГИБДД, – разочарованно бубню я.

Стараюсь сохранять душевное равновесие, которое явно пригодится мне в общении с разъяренным Тумановым. Впрочем, я могла вообще не приехать, поэтому...

Неторопливо выбираю наиболее безопасное место на обочине, аккуратно паркуюсь, прошу детей тихо посидеть в автомобиле, но не надеюсь на это. И беру права, лихорадочно скользя по карточке влажными пальцами.

– Отдам молча, развернусь и уеду, – повторяю, как мантру, ступая на плавающую под беспощадным полуденным солнцем землю. – Дальше сам.

Рискую взглянуть на Адама. Он замечает меня еще до того, как я появляюсь из машины, и направляется ко мне. Надвигается, как танк, готовится размазать меня по асфальту. Настигает мгновенно. Несколько широких шагов – и мы сталкиваемся перед капотом моего хендая, едва не высекая искры.

Адам молча обхватывает меня за талию, и, покосившись на инспектора, отводит в сторону. Возле боковой двери разворачивает и нагло к себе прижимает, дезориентируя. От этой вынужденной близости становится еще жарче, невесомая ткань платья прилипает к коже, а там, где соприкасаются

наши тела, все горит.

– Так, мне нужны деньги. Верну с процентами, – чека-
нит мужчина, который не имеет ни малейшего представле-
ния об элементарной вежливости. И никогда ничего не про-
сит, только приказывает. На секунду я теряюсь. – Агата, –
порывисто зовет, пальцами в мой бок грубо впиваясь.

Вместо ответа пытаюсь его оттолкнуть, однако железную
махину и на сантиметр невозможно сдвинуть. Случайно на-
ступаю ему на ногу, пока выворачиваюсь, но и это не имеет
никакого эффекта. Не дрогнув ни единым мускулом, слов-
но робот, Туманов впечатывает меня спиной в обжигающий
металл автомобиля.

– Не брыкайся... жена, – бросает с усмешкой, заставив
меня возмущенно хватануть воздух. Горячий настолько, что
легкие сводит. Он накалился до предела за несколько секунд
рядом с Адамом. – Если представилась так гаишнику, то уж
доигрывай до конца.

Наклоняется ко мне и улыбается, обнажая белоснежные
зубы с чуть выступающими клыками. Ощущение, что Тума-
нов готов вонзиться в мое горло и осушить меня до послед-
ней капли, спасаясь от жажды и тридцатиградусной жары.
Но он лишь проходится по мне обволакивающим взглядом,
боковым зрением цепляет стоящего неподалеку инспектора
– и мгновенно меняет тон:

– А если серьезно, мне взятку ему нужно дать, а нечем, –
снизив громкость и убавив пыл, шепчет мне на ухо, подпа-

ливая кожу жарким дыханием. – Портмоне с картами и деньгами, видимо, у меня украли. И права там же остались, – от игрово-нахального настроения не остается и следа.

Адам опять злится, зыркает на эвакуатор, ворующий «его прелесть», и стреляет в меня синим взором с адскими желто-карими языками пламени.

Встрепенувшись, молча высвобождаю руку, все еще сжимающую проклятые права, поднимаю – и взмахиваю карточкой перед его грозным лицом. Разворачиваю так, чтобы Туманов увидел и свою фамилию, и фотографию. Судорожно сглатываю, наблюдая за его реакцией.

– Откуда? – на выдохе спрашивает удивленно.

Одним механическим движением резко выхватывает у меня карточку, проверяет, крутит в руке, а потом возвращает внимание ко мне.

– Вы потеряли в фитнес – клубе... – не договариваю я, потому что прикрываю Ваську. Не хватало еще, чтобы посторонний мужчина орал на мою дочь из-за какого-то куска железа. Дорогущего, признаю, но все-таки не настолько значимого, чтобы ребенка пугать. – Я случайно увидела.

– Почему не отдала сразу? – смотрит с подозрением, но хватку ослабляет.

Делает шаг назад, и через небольшой зазор между нами пролетает вихрь, но порыв ветра не охлаждает меня. По-прежнему горю, и от жара начинаю дрожать, как в лихорадке. Одергиваю прилипшее к телу платье, сокрушенно осо-

зная, что презентабельный вид оно потеряло.

Пока Адам нагло рассматривает меня, отвлекаясь, я панически размышляю, что солгать о правах. Но из машины в нас с Адамом неожиданно летит по-детски наивно и неприлично мило:

– Привет, дядь, – просто зовет его Вася, чуть высунувшись из машины. Насколько позволяют ремни. – Вот, держи, – бесцеремонно обращается к нему, будто они сто лет знакомы. А Туманов совершенно не спешит делать ей замечание.

Вместо него это собираюсь сделать я, но мы оба вдруг замираем, уставившись на портмоне в маленькой ручке. До последнего надеюсь, что оно принадлежит не Адаму, а, допустим, папа мой дал поиграть. Он внукам многое позволяет, балует их.

Василиса вымученно, виновато и максимально очаровательно улыбается, становится похожей на Ксю. А ведь она редко признает свои ошибки.

– Откуда? – вновь повторяет Адам, словно на сегодня весь словарный запас у него исчерпан.

– Василиса, – предупреждающе зову дочь полным именем. И это значит, что я крайне недовольна ее поведением. Почувствовав мое настроение, малышка голову вжимает в плечи, а рука с портмоне так и висит в воздухе. – Как я тебя учила с незнакомыми взрослыми разговаривать?

– Мы знакомы, – бурчит она.

– Да пусть, – отмахивается от меня Туманов, а сам глаз с малышки не сводит. – Когда мне выкают такие милые девочки, я чувствую себя занудным стариком, – уголки его губ дергаются вверх, но сам он по-прежнему напряжен. – Кстати, тебя это тоже касается, чертовка, – не оборачиваясь ко мне, бросает как бы между прочим. Машинально. Игнорирую дерзкое обращение, списав на шок, в который Туманова ввергла Васька. Да и не обижаюсь – сама чертятами своих неугомонных тройняшек зову.

Адам приближается к машине и с заметной растерянностью забирает у малышки портмоне, рывком открывает, небрежно проверяя содержимое.

– Василиса, нельзя же... – разочарованно выдыхаю, но прерываю поток упреков. Не при Туманове.

– Та-ак, это что такое вообще? – он нервно потирает лоб, тщетно пытаюсь понять, что произошло. – Как мои вещи оказались у тебя?

– Ты в клубе обронил, когда меня ловил, – хихикает Васька, но тут же губки испуганно сжимает, на меня взглянув. Смотрит исподлобья на Туманова, изображая раскаяние, которого и в помине нет. Дочка лишь играла со взрослым дядей и не видит в этом своей вины. – Я сбежала, сделала круг и вернулась в коридор, пока Ксю шнурками тебя отвлекала. Там и заметила случайно. В рюкзак запихнула, а потом вы с мамой ругались, и я забыла, – опускает реснички, чтобы я по ее сине-карим глазам не прочитала маленькую ложь.

Но я и так догадываюсь: она намеренно утаила находку, уж очень интересная игрушка из нее получилась. Перевожу внимание на вторую дочь. На мою воздушную девочку в розовом платьице, которая в душе – та еще хитрая лиса.

– Привет, – радостно машет ручкой Ксюша из салона.

– Привет, принцесска, – легко выдыхает Адам. – Молчаливый часовщик, и вам здравствуйте, – цепляет Макса, но тот намеренно его игнорирует, отворачивается к окну. Вздыхнув, Туманов постукивает пальцами по портмоне. – В смысле, отвлекала? – голос срывается в хрип. И мужчина нервно закашливается. – Агата, какого... – косится на детей, проглатывая ругательство. – Что у тебя вообще в семье творится?

– Спокойно, Адам, – хватаю его за локоть, оттаскивая от автомобиля. Дико беспокоюсь о тройняшках. Они в два счета могут вывести из равновесия любого. А на что способен здоровый злой мужик – не хочу проверять. – Я за все их проделки отвечу. Ничего ведь страшного не произошло, и...

Туманов напрягает мышцы, косится туда, где сплетаются наши руки. Устремляет взгляд на меня, внимательно изучает, будто в мозг мне влезть пытается. И в душу.

– Не ори на маму, – взволнованно вскрикивает Васька. Копаются в рюкзаке. – Вот, еще, – в ручке зажаты смятые купюры. Потрепанные, надорванные, скомканные. – Забирай. Думала, еще с фантиками поиграю, но если ты жадина, то... – кулачком взмахивает, – ...н-на.

– Фантики... Оставь себе, мелкая, на карманные расходы, – обреченно хрипит Адам, а я отпускаю его руку. Не чувствую от него больше опасности.

– Нет, не надо, – протестую возмущенно. – Василиса, верни чужое, – на нервах повышаю голос.

– Теперь это ее. Оплата за хранение моих вещей, – хмыкает, стремительно остывая, будто в него кондиционер встроен. Или дети так влияют? – Не спорь.

Окинув меня сочувственным взглядом, посыла которого я абсолютно не понимаю, Туманов качает головой. И отходит к инспектору, что все это время молча и задумчиво наблюдал за нашей перепалкой.

Пользуясь моментом, заглядываю в салон, наклонившись к опущенному стеклу, и шиплю приглушенно, чтобы слышали только дети:

– Девочки, дома вас ждет серьезная взбучка, – зыркаю на обеих предупреждающе. – Особенно тебя, Василиса!

– Так я нашла, – пытается оправдаться.

– Надо было сразу вернуть. Или мне сказать, – цежу сквозь зубы, и Васька расстроено опускает голову, ковыряет лямку рюкзака. Становится жаль мою девочку, мне порой так сложно быть строгой матерью, но иначе не справлюсь. Поэтому подавляю эмоции. – Ксения, ты тоже хороша! Ты же девочка, а не секретный агент какой-то. Что значит «прикрывала» и «отвлекала»? – заставляю вторую дочь обиженно всхлипнуть.

Делаю глубокий вдох, из последних сил борюсь с желанием наплевать на все правила воспитания и обнять моих малышей. Чтобы они хохотали сейчас и радовались, а не ногами шмыгали. Но не могу себе этого позволить, потому что заменяю им обоих родителей. Чередую нежность и строгость.

– Макс, надеюсь хоть ты в этом не принимал участие? – прищуриваюсь, сканируя сына.

– Я рядом был, все видел и знал, – невозмутимо пожимает плечами. – Вместе с ними меня наказывай, чего уж там, – смело смотрит мне в глаза своими черными бусинами. Мой цвет перенял. И в целом внешне он на меня похож.

– Как скажешь, – выпрямляюсь и руки складываю на груди, чтобы не позволить себе протянуть ладонь и потрепать шелковистые макушки ласково. – Поехали домой.

Резко разворачиваюсь, но вместо того чтобы сесть за руль, останавливаюсь возле капота.

– А дядя? – тихонько бросает Васька мне в спину.

– Его красную машину увезли, – озвучивает Макс то, что я в эту секунду наблюдаю.

Эвакуатор отделился на внушительное расстояние. Адам активно жестикулирует руками, по-хамски общается с инспектором. И, судя по всему, подписывает себе приговор. Видимо, договориться не получилось, а от денег Авдеев отказался. При этом многозначительно кивнул в сторону моего авто.

Делаю шаг к двери, зло топаю на месте, стуча невысоким каблуком об асфальт. Нерешительно кусаю губы. Терзаюсь сомнениями. Я ведь все Туманову вернула, а дальше пусть сам выкручивается. Меня не касаются его проблемы.

Так зачем же я сейчас направляюсь к нему?

– Извините, когда вы нас отпустите? – обращаюсь к хмурому инспектору и обезоруживаю его лучезарной улыбкой. – Дети устали, – голову чуть наклоняю, взмахиваю ресницами. Нахваталась уловов от крошки Ксюши.

Авдеев меняется в лице, недовольно косится на Адама, а потом смотрит на меня. С тенью сочувствия. Эти мужчины сговорились сегодня?

Ощущаю на себе прожигающий взгляд Туманова, а затем – и его тяжелую руку на моих плечах, однако не реагирую. Полностью сосредоточена на инспекторе, ожидая, когда он пойдет навстречу.

– А мы скоро домой поедem? – Ксюшу не видно, но голосок из салона доносится громкий и звонкий. – Я кушать хочу. И в туалет.

– Ма-ам, жарко же, – поддерживает сестру Васька.

– Дорога займет больше часа, – деловито добавляет Макс и указывает на свои часы. Несмотря на то, что сын не принимает Адама, выражая это в молчании, сейчас почему-то играет на его стороне.

Но замечаю это только я. Мои тройняшки не нытики. Они опять объединились в команду, чтобы спасти непутево-

го «дядю». Проглатываю нервный смешок и вновь устремляю жалобный взгляд на инспектора.

– Что же, поезжайте с вашими детьми, – отдает права чертовски злому Адаму, а у него брови взлетают от удивления. – Машину завтра заберете со стоянки. И штраф я сам оформлю, оплатите только на месте.

Благодарю Авдеева и быстро оттаскиваю Туманова, пока он опять все не испортил.

– Надеюсь, ты вызовешь себе такси? – сипло спрашиваю, а сама ладошкой машу Авдееву. Интенсивно, будто намекая, что ему пора. Он же не спешит уезжать. Следит за нами.

– Да сейчас! – Адам нагло падает на водительское место. – У меня телефона нет. Да и день сегодня х... кх-кх... – осекается вовремя, посмотрев на детей, – ...отвратительный. Мне нужно домой без лишних приключений. Пока еще что-то не случилось. Давай ключи, – выставляет ладонь, но я крепче стискиваю брелок. Совсем распоясался! Не пущу я его за руль! – Жарко как, – тянется к кондиционеру и крутит нагло, регулируя температуру.

– Сломался. Не понимаю, что с ним, – мои слова звучат жалобно. Но я слишком устала за день и буквально плавлюсь. А путь домой предстоит неблизкий. В душном салоне...

Адам сосредоточенно что-то нажимает, дергает, а потом выходит из машины, поднимает капот, копается внутри, как будто в своем спорткаре. Еще и указы мне дает. Но самое

странное, что я устраиваюсь за рулем и делаю все в точности, как он велит. Словно в тумане. И некоторое время спустя в салон течет прохладный воздух.

– Работает! – выкрикиваю довольно, и Адам возвращается, но теперь занимает пассажирское кресло. – Но как? Я вообще думала, что у тебя руки... – выбираю выражение завуалированное, чтобы дети грубую фразу не подхватили, – ...исключительно деньги умеют считать.

– Это в первую очередь, – ухмыляется он, вытирая ладони влажными салфетками из бардачка. – За любимыми вещами и увлечениями я привык следить самостоятельно. Часы и автомобили – моя слабость. Правда, поцарапанное крыло я не рискнул трогать, – оглядывается укоризненно на Макса, а тот стыдливо прячет лицо.

– Извини, пришлешь счет, я все оплачу, – лепечу я, однако Адам отрицательно качает головой. – Или давай с отцом поговорю? У него автосервис свой...

– Нет уж. У меня свои проверенные связи. «Ляльку» только профессионалу доверю, а не абы кому, – выплевывает надменно. Раздражает своим бахвальством.

– Что-о? Глупость какая, – фыркаю на его «ляльку». Мужики, как дети. – Ладно, как скажешь. Моему папе только легче, не придется твои претензии выслушивать, – сарказм сам слетает с губ. Неприятно, что этот сноб отца профаном считает. – Но за кондиционер спасибо, – чуть слышно добавляю.

– Учти, это временная мера. В автосервис тебе все равно надо. И чем быстрее, тем лучше, – объясняет непривычно спокойным тоном. – А мне туда светит попасть не раньше, чем завтра, – заключает опечаленно.

– Пожалуй, я тебя подброшу, если живешь недалеко, – смягчаюсь я, наслаждаясь не ледяным, как обычно, но вполне комфортным воздухом. Завожу двигатель.

– Через два квартала кафе, – хитро зыркнув на меня, заявляет Адам.

– Да, знаю, – киваю с готовностью, мысленно прокладывая маршрут. Папа иногда шутит, что у меня в голове встроенный навигатор. Но я и правда хорошо ориентируюсь в городе. – А дальше куда?

– Туда, – кидает невозмутимо. – Обедать. У тебя дети голодные, – расплывается в лукавой улыбке. Что он задумал? – Заодно и дела обсудим.

– Нет у нас никаких дел, – рывкаю я, не желая возвращаться к вопросу о поисках его ребенка.

– Да, мам, поехали-поехали! – хором подпевают Адаму чертята. – В кафе хотим! – капризничают на весь салон.

– Я вообще не завтракал, – обиженно добавляет Макс. Обращается демонстративно ко мне, но краем глаза наблюдает за Тумановым.

– Сам виноват, – отчитываю его, вспомнив о проделках в детсаду.

– И я тоже, – Адам вальяжно откидывается на спинку

кресла. – Трогай, шеф. Надеюсь, ты водишь не слишком плохо.

– Хм, прошу заметить, не моя машина отправилась на штрафстоянку, – язвлю в ответ, намеренно бью по – больному. Проследив, как он становится мрачным, удовлетворенно переключаю скорость и трогаюсь с места.

Глава 8

Адам

Женщины плохо водят машину, потому что привыкли к метле... Но эта чертовка – исключение. Похоже, ей по силам любые виды транспорта.

Она управляет массивной тачкой легко и грациозно, но при этом мастерски. Настолько, что в сознании всплывают странные картинки. Представляю Агату за рулем своего спорткара. В святая святых, куда я даже «сфоткаться» баб не пускаю. Красотки и пустышки, они должны знать свое место... пассажирское.

Но Агату я бы усадил в водительское кресло. Склоняюсь к этой идиотской мысли все сильнее, пока наблюдаю, как маленькие ладони скользят по рулевому колесу, тонкие пальчики барабанят по коже, пока мы тормозим на светофоре, хрупкая рука уверенно тянется к коробке передач, идеальная ножка вдавливая педаль газа в пол.

Никогда бы не подумал, что женщина за рулем может выглядеть так сексуально. Но Агата в этот момент превращается в живой афродизиак. Или со мной не все в порядке?

Опускаю взгляд, и он сам находит острую оголенную коленку, облизывает аппетитное бедро, выглядывающее из-под задравшегося платья. Наслаждаюсь видом. И завожусь. Разгоняюсь вместе с двигателем, который рычит, набирая

скорость.

Что за хрень! Надо было все-таки брать вчера эту «бледи» в пользование. Как ее? Вечно имена забываю. Да и плевать.

И только Агата в память въелась. Сразу же, как только Рома в клубе назвал ее так. Что-то щёлкнуло, загорелось и осталось красной строкой в сознании.

Впрочем, просто имя необычное. Поэтому и засело в голове. Да и ситуация у нас... нестандартная.

– Я не думал, что ты приедешь, – разрываю тишину, чтобы отвлечься.

Рывком расстегиваю верхнюю пуговицу, ослабляя воротник рубашки. Импульсивно проверяю кондиционер. Какого черта вдруг опять жарко стало?

Задерживаю руку на решетке. Холодный воздух обволакивает ладонь.

– Я и не приехала бы, если бы не нашла твои права у Васьки, – Агата поднимает быстрый укоризненный взгляд в зеркало дальнего вида. – Мне не нужны лишние проблемы, поэтому решила вернуть, – произносит ровно, не отрываясь от дороги. И ее слова отзываются неприятным уколом в груди.

Не приехала бы, знаю. Обычно ко мне бабы мчатся с определенной целью – что-нибудь поиметь. Впрочем, это взаимно. Поэтому поддержки я не ждал. И с инспектором сам пытался решить вопрос, но в итоге разругался с ним. Твердолобый он оказался.

Когда я уже потерял надежду, появилась Агата... Шараха-

лась от меня, как от прокаженного, дотронуться запрещала. Не пойму, как инспектор вообще подумать мог, что она моя жена? Меня вообще в депрессию вгоняет одно лишь слово «брак». Гадкое такое, будто сломалось что-то и ремонту не подлежит. Никакой «автосервис» не спасет. В эту кабалу я точно не полезу никогда. Довольно того, что я стресс от сегодняшнего «шоу» получил.

В качестве компенсации за моральный ущерб позволяю себе еще раз просканировать чертовку, медленно изучая ее тело. Каждый вкусный изгиб, прикрытый невесомой тканью, голые плечи, край декольте, подчеркнутого тугим лифом. Агате невероятно идет это платье. Легкое, нежное, разлетающееся. В противовес ее тяжелому, вредному характеру.

– Дядь, извини, – детский голос прорезает переваренный холодец в голове, в который Агата превратила мой мозг. Ничего при этом не делая! Даже ножку незаметно шифоновой тканью прикрыла, будто почувствовала мой взгляд не там, где надо.

– Кхм, что? – оборачиваюсь на звук. Дергаюсь от чужеродного «дядь». Не понимаю, почему, но раздражает меня это обращение.

– Я больше так не буду, дядь, – Васька губки надувает. И на маму косится.

Непроизвольно улыбаюсь, вглядываясь в растерянное личико. Все ясно. Старается вину загладить, чтобы наказания дома избежать. Или хотя бы минимизировать потери. Но так

легко пацанка не отделается.

– Не прощу, мелкая, – серьезно проговариваю я. Васька бровки хмуро сводит, а Агата рядом шумно вздыхает. Еще и остальные члены банды в меня взглядами впиваются. Наме- ренно выдерживаю паузу, чтобы нервишки им пощекотать в отместку за мой испорченный день, а затем все же добав- ляю: – Если еще раз дядей меня назовешь, точно не прощу, – и непроизвольно смеюсь, когда дети шокировано перегляды- ваются, словно мыслями обмениваются. Коллективный ра- зум. – Вас всех касается. Зовите меня Адам.

Автомобиль замедляется, и я переключаю внимание на Агату. Едва ли не получаю эстетический оргазм, когда она красиво паркуется на площадке возле кафе. Идеально втис- кивает широкий зад в узкое пространство между другими машинами, ставит ровно.

Бабы так не водят. Ведьма она. Или мужик замаскирован- ный. Хотя нет. У нее дети все-таки.

Трое...

– Они все твои? – недоверчиво уточняю я, когда мы с Ага- той из машины выходим. – Дети? – уточняю заторможенно. Сложно поверить, что такая молодая девчонка трижды ро- жала.

– Нет, украла, – фыркает ехидно. И в тоне проскальзывает обида. – Что за дурацкий вопрос?

– Прости, но они... – развожу руками, однако не могу сформулировать мысль.

– Тройняшки, Адам, они родились в один день, – хохочет надо мной чертовка, а сама распахивает дверь и наклоняется к автокреслу, ослабляя ремни.

Задумчиво стою сзади, непроизвольно уставившись на упругую попку, а в затуманенном похотью мозгу начинают крутиться шестерёнки.

– В какой день? – бросаю отрывисто. – Дата их рождения? Возраст?

И машинально принимаю Макса, которого Агата из салона вытаскивает первым. Аккуратно прижимаю к себе, ставлю на землю и, несмотря на его протесты, крепко держу за руку. Беспокоюсь, чтобы на дорогу не выбежал. Проявляю заботу. Как будто он мой. Сын.

Глава 9

Агата

– У нас уже был день рождения, – охотно отзывается Ксюша, вслед за братом показываясь из машины. – Нам исполнилось пять лет, – задорно соскакивает с подножки и балансирует на бордюре, расправляя руки, как крылья.

Шумно наполняет легкие воздухом, чтобы продолжить выдавать всю информацию, которой только владеет, и внезапно срывается в бег, направляясь к Адаму.

Ловим малышку одновременно. За обе ручки. Будто совершаем привычное действие. А потом встречаемся взглядами.

И откуда у Туманова такая реакция? Почти родительская... Может, я не права, и он готов к отцовству?

– Пять... – эхом тянет.

Продолжает что-то крутить в голове, но при этом крепко держит Ксюшу, а свободной рукой сжимает ладошку Макса. О чем думает этот странный мужчина? Почему интересуется моими детьми? Его подозрительное поведение и каверзные вопросы заставляют меня нервничать.

– Ксюша, возьми брата за руку, как вы всегда делаете, и не отпускай. Стойте на месте, – строго приказываю. И дочь слушается. У нас все отработано, иначе я бы давно детей потеряла. Вот только Адам вносит смуту в наш «отряд». При

нем чертеньята начинают вести себя необычно и совершают ошибки. Например, как Василиса, которую я хмуро осуждаю из автокресла, все еще недовольная ее выходкой с портмоне. Дочка смотрит на меня виновато и превращается в самую покорность. Но это временно.

– А когда день рождения? – не унимается Туманов, пока я ставлю машину на сигнализацию.

– Двадцать девятого февраля, – выпаливает Васька, с преданностью заглядывая ему в глаза. Что с ней творится?

Адам отрицательно качает головой, отмечая какую-то, лишь ему понятную, версию. С тоской косится на Макса. Переводит сине-карий взгляд на близняшек.

И в этот момент на меня снисходит разрушительное озарение. Да этот сноб моих детей себе присмотрел! Точнее, сына. Девочки ведь его величеству не по душе. Наследника ищет.

Мои ладони импульсивно превращаются в кулаки, а дочка недовольно ойкает, когда я сильнее, чем следует, стискиваю ее кисть.

– День рождения раз в четыре года, – переключается Туманов на ехидный тон. – Агата, что же ты детей своих так подставила?

– Мы отмечаем каждый год, – вклинивается в разговор Ксюша.

– Малыши не спрашивали, когда им появиться на свет, – фыркаю раздраженно.

Все, что касается беременности и родов, причиняет мне боль и возрождает страх из глубин души. Нам с малышами было нелегко. Сколько раз за срок я ревела от паники, боясь потерять их? Постоянно! Сколько сложных решений приняла? Главное – отказ от редукции эмбриона, когда на УЗИ выяснилось, что одна из подсаженных клеток разделилась, и у меня будут тройняшки. Сколько слез пролила, когда врачи, все как один, убеждали меня пожертвовать близняшками ради жизни одного ребенка. Когда твердили, что мой организм не справится с искусственным многоплодием. Угрожали выкидышем.

И только мама скрепя сердце приняла мой выбор, поддерживала. Хотя не верила в мои силы. Ждала худшего. Ни на шаг не отходила от меня, помогая сохранять невероятно тяжелую беременность тройней.

Нет, малыши не согласовали со мной дату своего рождения. Наоборот, «постучались» на выход раньше времени. Экстренное кесарево в семь месяцев, недоношенные крошки, три закрытых кувеза в больничной палате вместо теплых комочков на груди. Долгие недели ожидания, бессонницы и ледяющего душу ужаса.

Поэтому я и воспринимаю в штыки Адама. Легкомысленного наглеца, который купается в своей вседозволенности. Чувствует себя так свободно, что готов отобрать ребенка у матери.

– Ты так и будешь каждого встречного мальчика себе при-

мерять? – не отпуская Васьки, подаю руку Максу, а тот крепко держит Ксюшу. Вместе шагаем к кафе.

– Как ты поняла? – удивленно шепчет Адам, обгоняя нас и распахивая двери.

– Почему ты вообще решил, что я делала ЭКО? – цежу чуть слышно после того, как отправляю детей за стол.

– Тройняшки потому что, – пожимает плечами Туманов, а я изгибаю бровь, ожидая дальнейших объяснений. – Многоплодная беременность – частое явление при ЭКО. Я читал об этом. Перед тем, как в клинику приехать.

– Нет. В моем случае это особенность организма, – вздрагиваю, когда Адам невзначай приобнимает меня за талию. Подталкивает, заставляя переступить порог зала.

– Возможно. У моего брата двойня, – размышляет вслух.

– Удивлена, что ты изучал вопрос, – выпаливаю искренне, а голос предательски подрагивает от близости мужчины, который переступает черту и прижимает меня к себе напористо, властно, будто я его собственность. Увлекает за собой вглубь помещения, дает распоряжения официанту, что-то говорит МОИМ детям, и они мгновенно выполняют.

Я же чувствую себя парализованной из-за цепких объятий, в которые угодила, как в капкан. Горячая ладонь прожигает платье, оставляя клеймо на коже, сильные пальцы вонзаются в бок. Меня давно так никто не касался. После предательства я избегаю мужчин, потому что не переживу повторения истории. Слишком долго я собирала себя по осколкам,

чтобы опять все разрушить.

Аккуратно, но настойчиво убираю руку Адама со своего тела и отстраняюсь. Но сбежать далеко не получается, потому что он наклоняется к моему уху:

– Я должен был убедиться, что такие дети ничем не отличаются от нормальных. Наслушался гадостей про ЭКО, предпочел перепроверить.

Его слова звучат цинично и бьют наотмашь, срывая меня в жестокую реальность. Как и большинство мужчин, Адам – эгоист. У него все должно быть «правильно». Несмотря на то, что сам, как он говорит, бесплоден, подсознательно выдвигает требования к ребенку вместо того, чтобы принять его таким, как есть. Выбирает, как машину. Хочет купить ради статуса отца.

– Выдыхай, Адам, – развернувшись лицом к Туманову, дерзко хлопаю его по твердому, как мрамор, плечу. – Не быть тебе многодетным. Тройняшки – сто процентов не твои. Они были зачаты естественным путем, – лгу я, чтобы уничтожить любые подозрения.

– Да, я посчитал уже по срокам. Мой наследник должен был родиться весной, – неожиданно заявляет он. – Завтра исполнится ровно шесть лет с того дня, когда я проспорил собственного ребенка, – поймав на себе мой ошеломленный взгляд, он легко усмехается. – Я сдал биоматериал после пари с другом, – бросает, лишь упрочив меня в мысли о его бестолковости и наплевательском отношении к детям. – Вот

такая годовщина, и дико хотелось бы отметить ее вместе с найденным сыном.

Годовщина. Завтра. У меня тоже, ведь из памяти не стирается тот важный для нас с тройняшками день.

Внутри что-то взрывается, и я разлетаюсь на атомы, но сохраняю равнодушный вид. Терплю жидкий азот, что разливается по венам. Заполняет всю меня, и на смену лихорадке приходит полное обморожение чувств и эмоций.

Ведь ровно шесть лет назад мне провели ЭКО.

– С чего ты вообще взял, что все произошло в тот же день? – отмерев, сипло спрашиваю я. Мы стоим у столика, за которым устроились дети. Не хочу, чтобы они стали свидетелями непростого разговора, поэтому даю им меню. В то время, как они отвлекаются на картинки блюд, я чуть отесняю Адама к проходу. – Обычно материал обрабатывают и отправляют на криоконсервацию, – обозначаю порядок, но Туманов кривится.

– Я уточнял. На следующее утро, одумавшись, позвонил в лабораторию и приказал уничтожить все. Но они промолчали, а я не стал докапываться до сути, – шокирует своей беспечностью. – Чуть больше месяца назад, когда узнал о своем диагнозе, подослал кое-кого, чтобы осторожно спросила, – отводит взгляд, недоговаривая. Скрывает своего «шпиона».

– Что за диагноз и откуда вдруг взялось бесплодие? – во мне просыпается врач.

– Я не буду говорить с тобой об этом, чертовка, – впер-

вые теряется Туманов. – Неважно, – отмахивается. – Факт в том, что у меня единственный шанс обзавестись ребенком. Я думал, нанять суррогатку, если материал сохранился по сей день, но... – делает паузу, косится на чертят, которые втроем превратились в один большой локатор. – Не хотите в игровую зону, пока еду ждем? – предлагает, быстро сориентировавшись.

– А можно? – и в меня одновременно стреляют три пары глаз. Жалостливо так, с надеждой и азартом.

– Можно, – протяжно выдыхаю я, поддавшись их обаянию, но на Адама зыркаю недовольно. Распорядиться вздумал моими детьми, как родными! Надо это прекращать. Нельзя, чтобы чертята привязывались к нему. Но они, кажется, уже начинают...

Василиса игриво подмигивает Адаму и раньше всех мчится в детский городок, оборудованный в дальнем углу кафе. Следом выплывает из-за стола Ксюша, кокетливо взмахивает ресничками, теребит юбочку и догоняет сестру. Макс уходит молча, но на полпути все-таки оборачивается и кивком благодарит... Туманова! А меня словно не существует для собственных детей!

– Ты им понравился, – бурчу тихо.

– Я всем нравлюсь, – самодовольно хмыкает Адам и отодвигает стул. – Присаживайся.

Жду, что Туманов устроится напротив, но он вдруг занимает место рядом со мной. Придвигается ближе и укладыва-

ет одну руку на стол, а вторую – на спинку моего стула. Заключает меня в плотное кольцо, чтобы я не смогла вырваться, пока не договорим.

– Итак, в клинике сообщили, что в криобанк в тот день ничего не поступало, – продолжает беседу, пока я задерживаю дыхание, чтобы не впустить в себя его аромат. Дурманящий и дорогой. Запах богатства, власти и... настоящего мужчины. – Никаких данных за конкретную дату нет. Значит, использовали сразу. Для какой-то счастливой, – нагло ухмыляется, будто случайная мать его сына джек-пот выиграла.

– И ты хочешь сделать ее несчастной? – парирую я.

Вбираю носом воздух, тону в смеси цитруса, бергамота и миндаля. Закашливаюсь, пытаюсь отогнать отключающий разум аромат. Но он успел окутать меня всю, впитаться в полупрозрачную ткань платья и проникнуть под кожу.

Отклоняюсь, увеличивая расстояние между нашими с Адамом лицами. И с вызовом смотрю ему в глаза.

Его жертва не я. Знаю это, потому что лично выбирала донора из криобазы. Мало того, что по характерным чертам и возрасту он на Туманова не похож (я внимательно изучила описание), так еще и «из старых запасов».

Нет, сноб и хам не имеет никакого отношения к моим детям. И слава богу.

– Ну, не факт, я же не обижу, – опять намекает на деньги, вынуждая меня устало закатить глаза. – Осталось выяснить,

кто она.

– Почему ты так уверен, что твой драгоценный материал незамедлительно пустили в дело? – пытаюсь достучаться до его здравого смысла, если зачатки не утонули в море самолюбия. – Что, если он просто не подошел по каким-то параметрам? Морфология, подвижность... – сосредоточенно перечисляю.

– Агата, – обрывает меня Туманов. – Нормально все у меня с подвижностью, – едва ли не рычит. Я невольно зацепила его мужское эго.

– Я о другом, Адам, – качаю головой. – Его могли действительно утилизировать, а ты гоняешься сейчас за призраками.

– Выбора нет, – мгновенно тускнеет. – Я должен попробовать все варианты. – В глазах появляется пустота, а огненно-карие всполохи стремительно гаснут. Словно по щелчку пальцев Адам меняется. Выглядит осунувшимся и глубоко несчастным. – Всего-то нужно достать имена тех, кто делал ЭКО в тот единственный день. Проверить их детей тестом ДНК. И...

– И отнять ребенка? – наношу очередной удар, пока Туманов раскрылся. И отправляю его в нокаут.

– Договориться, – произносит хрипло. – Не получится забрать сына, так хотя бы добиться встреч. Ну и... обеспечить его. В противном случае мне даже наследство завещать некому будет. Мое положение безнадежно, – тяжелый тон пропитан горечью.

Вместо надменного сноба передо мной – обычный человек, надломленный и растерянный. Совсем, как я, восемь лет назад...

О нет, Агата, нельзя жалеть мужчин! Как они никогда не жалели тебя...

Но разбитое и истерзанное, но по-прежнему широкое сердце побеждает в смертельной схватке с горьким жизненным опытом. Рука сама тянется к столу и накрывает сжатый кулак Адама. Из моих уст непроизвольно льются слова:

– Из любого положения есть выход, Адам, поверь мне, – забывшись на секунду, говорю откровенно. Невольно обнажаю собственную рану. – Когда одна дверь закрывается, открывается другая, но главное – её не пропустить. Жизнь сама подкинет решение, – слегка улыбаюсь.

Внезапно вспыхнувший взгляд мечется на наши сцепленные руки на столе, возвращается к моему лицу, останавливается на губах, которые я нервно облизываю. Взмолнованно закусываю нижнюю и замираю.

Туманов подается вперед, наклоняется. Оказывается так близко, что наше дыхание соединяется. Аккумулируется, уплотняется. Достаточно одной искры, чтобы произошел взрыв.

Адам задумчиво смотрит на мои губы, долго и пристально изучает. Но потом вдруг хмурит брови, стискивает челюсти, начинает напряженно скрипеть зубами. И отводит взгляд. Словно сам себя не понимает.

Я – тем более...

***

– Мне клубничный, – тонкий писк прерывает наш с Адамом контакт. И очень вовремя.

Одергиваю руку, как от огня, откидываюсь на спинку стула и оборачиваюсь на Ксюшу, которая по-хозяйски следит за официанткой. Прищурившись, она наблюдает, как девушка снимает с подноса стаканы с молочным коктейлем.

– Они одинаковые, – по-взрослому, спокойно поясняет Макс.

– Адам специально так заказал, чтобы мы не ссорились, – хихикает покрасневшая Василиса. Наверняка больше всех в детской зоне баловалась. В нее точно при рождении вечный двигатель встроили.

Туманов молча поднимается, обходит стол и садится напротив. Видимо, чтобы быть как можно дальше от меня. Я же, наконец, получаю возможность дышать полной грудью, не рискуя быть одурманенной его ароматом и поверженной неправильной близостью. Мне категорически не нравится моя реакция на этого мужчину. Нечто подобное я чувствовала лишь однажды, но второй раз по тем же стеклам не пойду.

Делаю вдох. Надеваю привычный панцирь. А все внимание – на детей.

– Мне с красной трубочкой, – продолжает Ксюша спор ради спора, однако остальные не откликаются на провокацию.

Схватив стакан буквально из-под носа у сестры, она шустро падает на диван рядом с Адамом. Васька занимает место с другой стороны. Таким образом близняшки быстро окружают мрачного, напряженного мужчину и отвлекают его своим щебетанием. Невольно люблюсь моими девочками, а потом перевожу взгляд на потеплевшего Туманова. Вижу, как уголки его губ дергаются и ползут вверх, и сама не могу сдержать улыбки.

Эти трое выглядят так гармонично вместе. В какой-то миг кажется, что они даже похожи. Особенно, когда одновременно устремляют на меня свои глаза. Малышки что-то спрашивают, но я не могу сосредоточиться на их словах. Пульсация крови и шум в ушах перекрывает все остальные звуки, а мысли превращаются в хаос.

Прикрываю глаза и устало массирую виски. От жары, наверное, давление поднялось.

– Мама, в игровой зоне все было нормально, я проследил, – прийти в себя мне помогает короткий «рапорт» сына.

Макс демонстративно приближается ко мне, галантно подает коктейль и, метнув победный взгляд в Адама, важно садится рядом. На место, где буквально несколько минут назад едва ли не обнимал меня Туманов. Сын вздергивает подбородок и всем своим видом показывает, что он – главный мужчина в моей жизни. Безусловно, так и есть, но почему вдруг в нем проснулась ревность?

Замечаю, как он укоризненно косится на сестер, облепив-

ших «дядю», и многозначительно буравит меня черными бусинами, но больше не произносит ни слова. Бойкотирует Адама. Я же шумно вздыхаю. Макс прав – общение чужого мужчины с моими детьми к добру не приведет.

– Ролекс Дайтона, – неожиданно пререзает повисшую тишину хриплый голос Адама. – Неплохая копия, – кивает на запястье ребенка.

Кошусь на часы сына, слишком строгие и громоздкие для мальчика, но мне фраза Туманова абсолютно ни о чем не говорит. Я не разбираюсь в моделях – всего лишь покупаю то, что просит Макс.

– Не лучшая копия, – выпаливает сын, забывая о бойкоте. – Циферблат неточный, а еще на обратной стороне... – подрагивающими от возбуждения пальцами расстегивает ремешок. Макс воодушевлен тем, что, наконец, хоть кто-то разделил его увлечение, хочет поделиться знаниями, похвастаться, но внезапно вспоминает, кто именно перед ним! Мужчина, которого он заочно записал во враги нашей семьи. – Неважно, – прячет руки под стол.

Туманов с интересом и азартом сканирует Макса, размышляя, как пробить его оборону. Только собирается открыть рот, чтобы сказать еще что-то, как я его прерываю. Хватит добиваться расположения моих детей!

– Адам, вы никуда не опаздываете? – нагло выпроваживаю его и специально перехожу на вы. – У генерального директора сети клиник должно быть много важных дел, – на-

поминаю, как он угрожал мне на первой встрече. – Кстати, зачем это вам? – намеренно изображаю недоумение.

Хотя я правда не понимаю, с какой целью он покупал клинику и почему обратился к такой мелкой сошке, как я? Или у него была договоренность с моей мамой? Нет, не хочу верить, что она пошла бы на такую авантюру ради денег.

– Хм, – ухмыляется он, четко распознав мой подтекст. – Обожаю все, что связано с репродуктивностью. Больше процесс, конечно, – подмигивает мне, заставив закашляться. Макс тем временем рядом превращается в статую. Не нравится сыну, когда ко мне проявляет внимание чужой мужчина. Да и мне неловко. – Но в последнее время интересуется именно результат. Ты знаешь о моей цели, Агата, – резко становится серьезным. – Я хочу найти сына.

– У тебя есть сын? – встреपенувшись, ревниво уточняют близняшки.

Плохо, очень плохо.

– Будет, если ваша мама мне поможет, – не унимается Адам. Как же двусмысленно при этом звучат его слова!

– Не манипулируй мной через детей, – рывкаю на него, разозлившись, и достаю телефон. – Вызвать такси? И что с твоим телефоном?

– Вчера потерял, а номер свой не помню, – пожимает плечами и спотыкается о мой неодобрительный взгляд. – Что? Я почти постоянно нахожусь за границей, недавно в Россию прилетел из-за... – посматривает на детей и на этот раз не

позволяет себе лишних слов. – Кхм... В общем, не зубрил я временный номер, зачем мне?

– Утром на звонок мне девушка ответила, – признаюсь я тихо и опускаю ресницы. Провожу пальцем по дисплею. – Я хотела права вернуть, – оправдываюсь, каждой клеточкой чувствуя проникающий под кожу взгляд Адама.

– Ася, наверное, – бубнит он. – Роме можешь позвонить? Уверен, что эта... девчонка, – вновь себя сдерживает при детях, – не упустила шанс у него остаться.

Киваю, нахожу контакты фитнес – клуба, выбираю сотовый – и передаю Туманову. Стараюсь не вникать в его разговор, лишь мельком поймав информацию об Асе. Значит, утром об Адаме я сделала неправильные выводы. Впрочем, это ничего не меняет.

– Ваша пицца, – официантка ставит на середину стола блюдо, а сама улыбается Адаму и заметно кокетничает. При нем девушки начинают вести себя неадекватно. Причем делают это будто машинально. На инстинктах.

Но Туманову не до «юной соблазнительницы». Вместе с Ксюшей они синхронно опускают глаза на пиццу, задерживают дыхание и одинаково морщатся.

Вдохнув, впускаю в себя запах – и виновато смотрю на дочь. Не уследила. Зря Адаму доверила заказ.

– Мамочка, меня сейчас стошнит, – жалобно тянет Ксюша. И нос зажимает пальчиками.

– Аналогично, – поддерживает ее Адам и отдает блюдо

официантке. – Переделайте. Я просил без лука и болгарского перца, – тон становится жестче, чему девушка явно не рада.

– Фу-у, – Ксюша закрывает рот ладонями.

Василиса принимается лихорадочно размахивать руками, чтобы прогнать резкие запахи. Потому что слова дочки о тошноте – не каприз и не пустая угроза. Есть продукты, которые Ксюша не воспринимает настолько, что мы всей семьей от них отказались.

– Я окошко открою, – подсказывает Макс с места.

Надо сыну помочь. И дочь отвлечь. А я погружаюсь в ступор. Не могу глаз отвести от Адама и Ксюши, которые двигаются одинаково. И мимика похожая.

– Дыши, принцесса, и руки вытри, – совладав с собственным отвращением, Туманов пытается помочь ребенку. – Влажные салфетки вонь перебьют, – смеется он и сам ладошки ей протирает.

Ксю хихикает в ответ. Отвлекается, смущается от оказанного ей внимания и подавляет рвотные позывы.

– Ух, пронесло, а то бы сейчас ка-ак... – с преувеличенным облегчением выдает Васька и тушуетсЯ под обиженным взглядом сестры.

Пиццу на замену нам приносят молниеносно, видимо, чтобы не гневить Адама. На этот раз без «запрещенных» добавок. И Ксюша как ни в чем не бывало принимается за еду. Васька ковыряет свой кусочек – у нее никогда нет аппетита, хоть что ей предложи.

А вот Макс жадно накидывается на завтрак, плавно перетекающий в обед. Ест с охотой, забыв, что должен сохранять каменное лицо перед Тумановым. Но пицца оказывается лучше, чем их невидимая война.

На протяжении обеда мы с Адамом практически не разговариваем. Лишь изредка перебрасываемся задумчивыми взглядами.

Из кафе уходим молча. Даже дети затихают, плетутся медленно, шаркая ножками, выглядят утомленными, как вареные раки.

На парковке нас встречает Роман, приглашает Адама в свою машину с водителем, а сам не слишком уверенно держится на ногах. Кривится, когда друг его по плечу хлопает, встряхивает издевательски и говорит что-то громко. От резких движений и звуков Рома хватается за голову, мычит что-то невразумительное и только потом окидывает нас с детьми уставшим, мутным взглядом. Ясно, кто минувшим вечером «перегулял». Напрасно я была плохого мнения о Туманове.

– Агата? – через минуту до Романа, наконец, доходит, кто я. И его болезненно красные глаза округляются от шока, а потом сужаются ехидно и стреляют в Адама. Но тот остается невозмутимым. Как и я.

Ничего не объясняя, прощаюсь и оставляю друзей наедине. Чертята сами рассаживаются по автокреслам, машут ручками Туманову, ввергая Рому в еще больший шок – и устраиваются удобнее, чтобы уснуть в дороге.

По привычке включаю кондиционер и только потом, ощутив желанную прохладу, слегка улыбаюсь. Бросаю взгляд в боковое зеркало, вижу, как отдаляется автомобиль Романа, и стискиваю руль.

В воцарившейся тишине я могу спокойно подумать, но решение по-прежнему не приходит. Обычно мне всегда мама помогает советом, но... не в этот раз.

Идеал второй. Глава 10

Агата

Вихрь сознания бросает меня в прошлое. Пальцы будто заклинило. Получается очнуться, лишь когда доносится скрип подушечек по бумаге. Среди царящей в кабинете клиники тишины отчетливо слышу собственный тяжелый вздох. И открываю, наконец-то, карту.

Некоторое время гипнотизирую влажные отпечатки на уголках, а потом заставляю себя впиться взглядом в свою же историю.

Многочисленные анализы, показатели... УЗИ и заключение, которое когда-то я вычитала до дыр. Мечтала, чтобы все исчезло. Оказалось страшным сном, что привиделся в бреду. Но диагноз «бесплодие» до сих пор гордо красуется в моей карте, будто насмехаясь.

Уже не так больно. Три маленьких, но очень вредных пластыря залепили раны. Кровь еще сочится, но выжить можно. Есть ради кого...

Покосившись на телефон, настороженно свожу брови. Из нового детсада с утра еще не звонили. Значит, все в порядке? И чертята ничего не натворили? Верится слабо...

Нет сигнала и от Адама. Но почему-то мне кажется, что он не отступит так легко. Поэтому сегодня я как на иголках.

– Так, Агата, соберись!

Перелистываю горькие «воспоминания». Переношушь в день ЭКО. В тот самый, когда были проведены пункция и оплодотворение. Затем – несколько мучительных дней на телефоне, короткие доклады врача, как развиваются «детки», подсадка. Первый тест. ХГЧ-мониторинг. УЗИ...

Встряхиваю головой, приводя мысли в порядок. Но они так и норовят хаотично разлететься.

Нервничаю.

Меня интересует донор. И я нахожу нужный пункт в договоре.

– Все правильно, – с облегчением выдыхаю.

Тот самый номер в криобазе. Описание донора в точности, как я выбирала. Лучшего из всех, что предложила клиника.

– И это не Адам, – шепчу в спутанных чувствах. – Не Адам.

Нет, он не так плох в качестве биологического отца. Скорее, наоборот. Симпатичный, сильный, здоровый. Умный. Правда, немного легкомысленный, хотя в детях это исправляется воспитанием.

Но Туманов намерен забрать ребенка, наплевав на мать, а я за своих тройняшек любого загрызу. Нам не по пути. И я искренне рада, что между нами ничего общего.

Прячу карту в нижний выдвижной шкафчик стола, убираю из архива. На случай, если Адам решит действовать через кого-то другого и поручит выдать ему всех «подозреваем-

мых». Не хочу, чтобы он знал обо мне. Слишком личное.

И перевожу взгляд на стопку, что лежит на столе. Я отобрала истории всех женщин, которым провели процедуру в тот роковой день.

Девять мамочек.

– Нет, семь, – с тоской произношу себе под нос и откладывая две карты в сторону, предварительно проверив донора. У этих ЭКО оказалось безрезультатным. Получилось ли при следующих попытках? Запрещаю себе проверять по базе, потому что воспринимаю чужую боль как собственную.

А мне сейчас дико необходим холодный рассудок.

Я сама выясню, кто та несчастная «счастливица», которой не повезло забеременеть от циничного Адама. И скрою ее.

– Ай, Агата, я не сразу тебя заметила, – вскрикивает Лора, а я едва не выпускаю из рук документы. – Ты зачем здесь? Разве не у матери в кабинете должна быть? – хмыкает с легким налетом ехидства. Все в клинике уверены, что я работаю здесь по блату, а сама из себя ничего не представляю. И даже подруга в меня не верит. Порой, даже я сама сомневаюсь в своих силах. Сложно быть дочерью известного врача.

– Поручение выполняю, – выкручиваюсь я, пока Лора переодевается. – Нужно документы подготовить для Алевтины Павловны, – намеренно называю маму по имени и отчеству, соблюдая субординацию.

– А-а-а, к визиту генерального, наверное, готовитесь? Вся клиника на ушах, а он что-то не торопится с нами знакомить-

ся, – тараторит она, поправляя медицинский халат и намеренно расстегивая две верхние пуговички. Глаза закатываю и цокаю предупреждающе.

– Что? Ты вон и так идеальная, а мне уловки нужны, – окидывает меня взглядом.

Опускаю глаза на простую бирюзовую форму, закрытую и скромную, и пожимаю плечами, не понимая, о чем она.

– Мы на работе, не забывайся, – отчитываю строго, и Лора тут же обиженно сжимает губы.

– Макар в город вернулся, – выпаливает, не подготовив меня даже, хотя прекрасно понимает, что для меня это удар под дых. Намеренно бьет! И не останавливается, пока я пытаюсь заново научиться как дышать. Но легкие не слушаются. Замерзают вместе с сердцем. Его осколками. – Говорят, возглавит у нас детскую больницу. Представляешь, какие теперь у тебя связи нарисовались?

Отгоняю прочь мелькающие в воспоминаниях картинки: от милых, трогательных мгновений счастья до... беспросветной тьмы.

Нет, нельзя возвращаться туда. Даже на доли секунды. Иначе стальная оболочка, которой я обрастала все эти годы, затрещит по швам, словно ветхое платье с чердака.

– Говорят, он в разводе. Бывшую с ребенком за границей оставил, а сам на родине теперь практиковать будет, – не умолкает подруга. – Вдруг это как раз ваш второй шанс, как в фильмах, – мечтательно закатывает глаза. Она серьезно?

– Лора, хватит, – цежу ровным тоном.

Знала бы она, чего мне стоит сохранять внешнее спокойствие, когда внутри все горит. Не отболело, не забылось. А я так надеялась, что когда-нибудь смогу смело, с усмешкой посмотреть ему в глаза – и ничего не почувствую.

Лучше нам вовсе не пересекаться. Я не готова. Спустила столько лет. По-прежнему ощущаю себя побитой и беззащитной. Ненужной и... бракованной.

– Я все, что могла, выяснила. Ради тебя же! Завтра еще с девчонками-педиатрами встречусь, – воодушевленно лепечет, а мне хочется бросить в нее что-нибудь тяжелое, чтобы заткнуть. – Конечно, тот факт, что у тебя уже есть дети, может стать проблемой. Еще и тройняшки, – задумчиво тянет.

– Алешка для тебя тоже проблема? – отрезаю коротко и резко, защищаясь.

Стреляю в нее предупреждающим взглядом, и она, наконец-то, умолкает. Моя подруга порой превращается в жуткую сплетницу. Не различает границ, поддаваясь больному любопытству. Немного остываю, покосившись на стопку медкарт. Там ведь есть и... Лора.

– Я неправильно выразилась, – после паузы проговаривает сипло. – Прости, дорогая, если обидела тебя, – подходит ближе, упирается бедром в край стола. По плечу моему успокаивающе проводит. – Побледнела так, – вздыхает. – Ты ведь толком не рассказывала, что случилось. Расстались и расстались. Студенческая любовь не выдержала испытания време-

нем и расстоянием, – повторяет мои же слова, которые были наглой ложью. Правду я похоронила глубоко в душе. – Я вообще всегда считала, что ты с ЭКО поторопилась...

– Прекрати, – сбрасываю с себя ее руку. – Никогда не говори о моих детях подобное, – обнажаю зубы и злюсь невероятно.

Шесть лет она была рядом, поддерживала в трудные минуты, но я готова перечеркнуть все, поставить крест на нашей дружбе, если Лора продолжит в том же духе. Что нашло на нее в последнее время?

– Да я не о малышах же, – тушуетсЯ мгновенно, заметив мой гнев. – Я о ситуации. Согласись, нашим детям нужна полноценная семья. У меня вот никак не получается, – с грустью произносит. – А у тебя...

– ...и так семья полноценная, – заканчиваю фразу вместо нее.

– Так что с Макаром у вас на самом деле случилось? – вновь жажда информации верх берет. Лоре надо было работать журналистом, а не лаборантом. Причем в желтой прессе. – Чьи это документы? Зачем? – внезапно внимание переключает на стол.

Пристально всматривается в медкарты, протягивает руку, но я отодвигаю стопку на противоположную сторону.

– Говорю же, поручение, – пожимаю плечами, а сама лихорадочно думаю, чем отвлечь настырную подругу. – Архивные документы систематизирую, чтобы...

Чтобы помешать одному наглому типу совершить эгоистичный поступок. Но Лоре я не скажу ни слова. Хотя помощь лаборанта, да еще такого ушлого и всезнающего, мне могла бы пригодиться. Но нет. Иначе вся клиника будет в курсе проблемы Туманова. Даже он не заслуживает такой огласки.

Сама разберусь!

– Блин, точно! Генеральный! – Лора освобождает меня от необходимости выдумывать очередную ложь.

Подскакивает на ноги, забыв о картах, о Макаре и, кажется, обо мне тоже. Подлетает к шкафу, открывает створку с зеркалом – и себя осматривает. Поправляет макияж, не такой вызывающий, как Лоре хотелось бы, ведь более яркий – запрещает начальство. Покачав головой, все-таки удовлетворенно кивает своему отражению.

Я же пользуюсь моментом. Быстро нахожу карту подруги, складываю ее вместе со своей в нижнем шкафчике стола, заперев на ключ. Решаю уберечь Лору и Алешку от Адама. На всякий случай, хоть подруга, как и я, донора из базы выбирала. Похожего на мужа.

Действую импульсивно, не успевая заглянуть в документы. Оставшиеся истории судорожно запихиваю себе в сумку. Позже, в тишине и одиночестве, их изучу. Две «неуспешные» возвращаю на полку. Выглядит это, конечно, подозрительно, но времени замечать следы нет. Рассчитываю справиться быстрее, чем кто-то заглянет в архив.

– Агата... – распахивает дверь мать. Врывается без стука и выглядит взволнованной. – Сергеевна, – исправляется, краем глаза заметив Лору. Хмуро сканирует ее, будто проверяя внешний вид, и вновь поворачивается ко мне: – Жду вас в кабинете, Агата. Немедленно! – голос повышает.

Лора подскакивает на месте испуганно, но я и бровью не веду. Киваю и, подхватив сумку с «секретными» данными, спокойно следую за матерью. Я привыкла к ее командному тону.

– Новый владелец нам устроил жесткую проверку, – шипит чуть слышно, пока мы шагаем по коридору. – Не понимаю его, купил клинику и сам же хоронит, – сокрушается, толкая дверь. – Не ожидала от Тумановых такого...

Не успеваю ничего уточнить, как мама впускает меня в кабинет.

Гипнотизирующий огненно-синий взгляд притягивает меня, как магнит. Обращает в камень. Останавливаюсь на пороге и испепеляю мощную фигуру, расслабленно развалившуюся в кресле главного врача. Как хозяин.

От надломленного, настоящего Адама, каким я видела его в кафе, не осталось и следа. Передо мной вновь тот же избалованный сноб, который всегда добивается желаемого. А сейчас он хочет своего чужого ребенка.

Ждет моей капитуляции, нервно постукивая пальцем по циферблату ролекса. У Макса есть похожая подделка.

«Или вы вернете моего единственного кровного наслед-

ника, или ваша клиника превратится... в салон часов», – на-
батом бьет недавняя угроза Туманова.

Проверка – всего лишь уловка, чтобы сломать меня и при-
нудить помогать. Читаю это по его наглым глазам. Однако он
не знает, что на этот раз у меня есть план. Царапаю лямку
сумки на локте, чуть приподнимаю уголки губ, вздергиваю
подбородок и бросаю в Адама дерзкий взгляд. Безусловно,
ему это не нравится.

Придвинувшись к столу, он укладывает локти на его по-
верхность и выдыхает с едва уловимым рычанием.

– Алевтина Павловна, проведете экскурсию по клинике
для коллег из Минздрава, – делает знак двум женщинам в
халатах и с папками в руках. И они молниеносно пролетают
мимо меня. Окружают маму.

– Да, Адам Альбертович, мы проведем, – слова вежливые,
а тон при этом такой, будто проклятиями сыпет. Только она
умеет общаться подобным образом. Никто не выдерживает
ее скрытого напора. Наглый Туманов не исключение. На се-
кунду теряется, ведет плечами, словно сбрасывая с себя фир-
менный уничтожающий взгляд Бересневой, и закашливает-
ся.

Пользуясь его мимолетным замешательством, мать напря-
женно смотрит на меня, кивает в ответ на мою бодрую улыбку
и уводит проверяющих. Адам нехотя поднимается, от-
талкивает кресло, что уезжает к окну, а затем неторопливо
направляется к выходу. Вальяжно, словно рабовладелец на

плантации.

Собираюсь пойти вместе со всеми на идиотскую «экскурсию», но он вдруг оттесняет меня от проема, толкает вглубь помещения так резко, что я роняю сумку на пол. А сам захлопывает дверь, поворачивая замок до щелчка. Опирается спиной о пластиковое полотно. Усмехается, наблюдая за моей реакцией, и складывает руки на каменной груди.

– Мое терпение закончилось, Агата, – чеканит, выделяя каждое слово. И изгибает нахально бровь.

Я же сжимаю руки в кулаки, зло буравлю хама взглядом и глубоко дышу. А в голове крутится единственный вопрос.

Как не придушить генерального?

Глава 11

Ранее

Адам

Притормаживаю перед автосервисом, но площадка занята. Испепеляю взглядом знакомый белый хендай и бью ладонью по рулю, коротко просигналив.

– И ты здесь, чертовка, – вдавливаю кнопку еще раз, но эта каракатица продолжает преграждать мне путь. Внутри, видимо, никого нет. Агата оставила свою машину и уехала? – Тебя только мне не хватало! – яростно сжимаю поскрипывающую под пальцами кожу обводки.

Я нервный и злой. Не спал всю ночь, потому что предатель мозг подкидывал мне картинки последних дней. Стоило прикрыть глаза, как я видел перед собой чужих мелких, а в ушах звенел детский смех.

Помешательство какое-то!

И сейчас все повторяется. По замкнутому кругу.

Я вновь как в бреду.

Сияющий белый автомобиль на дороге. Агата почти в моих объятиях. Подрагивающая ручка пацанки с портмоне в окне. Игривое хихиканье принцессы из салона. И суровое молчание маленького босса-часовщика.

Семья. Большая, гармоничная. Счастливая, наверное. По крайней мере, выглядит такой.

И не моя. Никогда не будет.

Я ведь к этому стремился. К одиночеству. Жить для себя.

Почему скребет что-то внутри? И зачем я так одержимо ищу своего единственного наследника?

Проклятый диагноз! После него резко захотелось получить то, чего он меня лишил.

Сына...

Да, все просто. Я привык в жизни добиваться цели. И находить выход из любого тупика.

Но на моем пути Агата!

Сопротивляется, стены возводит. И каким-то колдовством привязывает к себе и чужим детям. А мне это на хрен не надо!

Я в Россию за наследником приехал. Найду – дальше решу, что делать.

Пора придать чертовке ускорения.

– Ладно, «лялька», покатайся еще немного с царапинами, – впиваюсь пальцами в руль. Еще одно неуместное воспоминание режет сознание. «Наскальный» рисунок в подарок от Макса. Троица на крыле. Да что за! Надо вывести этот ужас обязательно, но не сегодня. – Вместо автосервиса едем в клинику!

Снимаю многострадальный спорткар с ручника как раз в тот момент, когда из здания выходит мужчина средних лет. Наверное, тот самый владелец и профессионал высшего класса, как отрекомендовал его Тимур. Поверю на слово,

проверю позже.

Черт, даже имя не запомнил. У меня с этим беда. И в телефоне номер вбит как «Автосервис». Что же, потом ближе познакомимся.

Не здороваясь и не прощаясь, вбиваю педаль газа в пол и огибаю ненавистный хендай по касательной. Очень близко, но габариты спорткара я отлично чувствую. Разумеется, машину не задеваю, но столь необходимый мне выброс адреналина получаю.

Под грубое «Идиот» – выруливаю на дорогу. Справедливо. «Профессионал» уверен, что я тачку клиента чуть не раздолбал. Надо не забыть ему накинуть денег за испуг.

Когда вернусь сюда. После того как решу вопрос с Бересневой.

***

– Повторяю еще раз: эта информация необходима моему близкому другу. И он готов щедро ее оплатить, – из последних сил держу эмоции в узде. Но именно сегодня я невероятно слаб. – От вас всего лишь нужен доступ в архив и сотрудник, который мне все объяснит. Сам я в медицине и историях ваших ни черта не смыслю, – признаюсь честно.

Намеренно не выдаю себя. Я уже оплошал однажды с Агатой. Мне повезло, что по какой-то причине она не выдала мою тайну. Даже собственной матери. Блефовала, когда говорила, будто они все обсудили.

По реакции Бересневой-старшей я сразу понял – она не в курсе проблемы. Значит, введем. Только на этот раз осторожнее. И будто не для меня.

– Алевтина Павловна, в ваших интересах пойти мне на встречу... кхм... нам, – откашливаюсь и воротник поправляю. Жарко здесь, как в аду.

Женщина сканирует меня некоторое время, будто в череп пытается залезть и выесть мозг чайной ложкой. Опоздала. Занято там. Уже Агата все вынесла.

Береснева вздыхает, легким движением поправляет высокую прическу, касается воротника медицинского халата – и, удостоив меня холодным черным взглядом, важно проговаривает:

– Мы не используем данные наших клиентов в личных целях и не передаем третьим лицам, – нарочито медленно тянет. – Если вы решите воспользоваться своим положением и предоставить закрытую информацию «другу», – недоверчиво слово выделяет, но я и бровью не веду, – ...то я вынуждена буду сообщить об этом в компетентные органы, – и невозмутимо возвращается к своим бумагам. Записывает что-то неразборчивым почерком, перелистывает документы. Делает вид, будто меня не существует.

Да это же вторая Агата! Только старше, закаленнее и ядренее! Как говорится, хочешь узнать, какой станет девушка с возрастом, – посмотри на ее мать.

Как же бесят обе!

Клянусь, я не хотел этого. Договорился на крайний случай. И сейчас бросаю короткий вызов сотрудникам Минздрава, ожидающим внизу.

– Я думаю, вы не будете против, что перед тем, как полностью оформить документы и вступить в права владельца клиники, я хотел бы понять, что приобретаю, – начинаю издалека, слегка усмехаясь.

– Нет, но на вашем месте я бы сделала это раньше, – поучительно отмечает.

Точно, Агата! Да плевать мне на их клинику. Поэтому и не вникал в дела. Но теперь придется.

– Войдите, – нагло отвечаю на стук вместо Бересневой.

Она задумчиво окидывает взглядом членов комиссии, изучает бейджи и с прищуром смотрит на меня.

– Это лишнее, – цедит, с трудом сохраняя равновесие. Я же радуюсь маленькой победе.

– Вам есть что скрывать? – не унимаюсь, ощущая в своих руках власть. Но это чувство обманчиво.

– Не вам, а теперь нам, – Береснева поднимается с места. – Проверяйте, – ведет рукой. – Но знайте, что я тоже буду следить за вами, – бросает тихо. С улыбкой.

Комиссия приступает к делу, перебирает документы, уточняет что-то. Я даже не вслушиваюсь в их разговоры с Алевтиной Павловной. Знаю, что вреда клинике не нанесут. Договор был иным. Всего лишь припугнуть.

И в кабинете не хватает еще одного участника шоу.

– А где ваша медсестра? – имею в виду Агату.

Врач нехотя отправляется за дочерью, а через несколько минут мы остаемся с чертовкой наедине.

Принимаю решение инстинктивно, затаскиваю Агату вглубь кабинета порывисто и запираю дверь. Себе же хуже делаю, потому что остатки здравого смысла превращаются в фарш, когда я рядом с ней. Но есть одна причина, из-за которой я сегодня иду до конца. Она – моя последняя надежда, на которую легче надавить. Все-таки у меня больше рычагов влияния на Бересневу-младшую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.